

М. Н. ВОЛКОНСКИЙ

ЖАННА ДЕ ЛАМОТТ

Михаил Волконский
Жанна де Ламотт

«РИПОЛ Классик»

2008

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)5-44

Волконский М. Н.

Жанна де Ламотт / М. Н. Волконский — «РИПОЛ Классик»,
2008

ISBN 978-5-386-00790-4

Жанна де Ламотт – одна из величайших авантюристок всех времен и народов, роковая красавица и коварная соблазнительница, в чьих жилах текла кровь династии Валуа, а на теле было выжжено раскаленным железом клеймо – королевская лилия. Она отличалась изощренным, изворотливым умом и была наделена исключительной властью над мужчинами. Она похитила бриллиантовое ожерелье французской королевы Марии-Антуанетты и была приговорена к пожизненному заключению в Бастилии. Она покончила с собой и через сорок лет воскресла, обретя новое имя и объявившись... в императорской России. О жизни, полной неразгаданных тайн, и смертельно опасных приключениях знаменитой похитительницы бриллиантов читайте в увлекательном историко-авантюрном романе Михаила Волконского – писателя, которого по праву называют русским Дюма.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)5-44

ISBN 978-5-386-00790-4

© Волконский М. Н., 2008
© РИПОЛ Классик, 2008

Содержание

1. Семь цветов радуги	6
2. Желтый	8
3. Аукцион	12
4. Орест Беспалов	15
5. Рассказ Ореста	18
6. Тень прошлого	21
7. Месяе Орест опять нездоров	24
8. Одиночество	27
9. Наследник кардинала Аджиери	30
10. Мнимая графиня Савищева	32
11. Мыза в Голландии	33
12. Дивная встреча	35
13. Решение	36
14. Тайна молитвенника	38
15. Заседание	41
16. Новые приятели	44
17. Старые знакомые	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

М. Н. Волконский

Жанна де Ламотт

Издательство выражает благодарность коллекционеру Сергееву Вячеславу Александровичу (г. Иваново) за участие в подготовке издания

1. Семь цветов радуги

Летом 1808 года России приходилось воевать на два фронта: на севере с Швецией, и на юге с Турцией, но Петербург, несмотря на то, что стал почти театром северо-восточных действий, который был очень близок к нему, продолжал жить своей обыкновенной столичной жизнью, мало даже отличавшейся от зимней, потому что двор никуда не выезжал на дачу...

Государь император Александр I жил на Елагином острове, в летнем маленьком дворце, бывшем доме масона Елагина, где, как говорили, сохранилось все, что касалось масонства.

Наиболее богатые из общества разместились на островах – на Каменном и на Крестовском, в особенности те, кто имел тут свои дачи, и на Черной речке, считавшейся тогда самым аристократическим летним местопребыванием.

Здесь деревянные дома были построены на манер каменных, в так называемом «итальянском вкусе», окружены цветниками и подстриженными деревьями, а в прозрачные тогда воды Черной речки гляделись сентиментально-поэтические плакучие березы, опускавшие свои ветки над гранитными урнами, статуями и плитами с таинственно загадочными надписями.

Такова тогда была мода.

В средних числах июня к одному из таких домов на Черной речке подъехала карета, и из нее вышел господин в летнем полосатом фраке – наиболее употребительной тогда одежде – с высоким жабо и в круглой шляпе с большими полями.

Он поднялся по ступенькам крыльца твердою, уверенной походкой и, когда, завидев его, сейчас же выбежали два лакея сюда, оба в ливреях и в пудре, спросил у них:

– Аркадий Ипполитович Соломбин дома?

Лакеи удивленно оглядывали господина, как совершенно незнакомого и с первого взгляда не внушавшего особенного доверия.

В самом деле, хотя его костюм и легкая английская карета были безукоризненны, то тем страннее казались на таком господине огромные синие очки целиком, почти с бровями, закрывавшие его глаза, и, главное, неприятно поражали пряди жестких рыжих волос, ниспадавших из-под полей его шляпы.

Такой щеголь, каким был одет господин, приехавший в английской карете, должен был, по тогдашней моде, во-первых, коротко стричь свои волосы, а, во-вторых, носить никак не синие очки, а изящную золотую лорнетку...

Лакеи замялись, но все-таки старший из них спросил заинтриговавшего их приезжего:

– Как прикажете доложить?

– Доложи: – Иван Михайлович Люсли, – приказал господин.

Лакей, видимо никогда не слыхавший такой фамилии, снова выказал сомнение.

Тогда господин, называвший себя Иваном Михайловичем Люсли, достал бумажник, вынул оттуда визитную карточку, дал ее лакею и велел отнести.

Эта визитная карточка оказалась не совсем обыкновенная, она была отпечатана фиолетовою краскою и в углу ее стояли буквы: «В. П. О.»

Лакей, отправившийся докладывать с карточкой, вернулся так быстро, как только мог, и кинулся к гостю с такой предупредительностью, что сразу было видно, что хозяин просить велел.

Не успел господин Люсли снять свою шляпу, как навстречу ему показался Аркадий Ипполитович Соломбин, человек весьма привлекательной наружности с мягкими, красивыми манерами.

– Милости прошу, добро пожаловать, – заметил он на великолепном французском языке, на котором не только говорили, но и думали в аристократическом русском обществе тогда. И

он с поспешностью повел приезжего, показывая ему дорогу: – Сюда, сюда, пойдемте ко мне в кабинет, – пригласил он, растворяя дверь.

Люсли следовал за ним, не меняя выражения лица, казавшегося совсем неподвижным благодаря огромным своим очкам.

Они вошли в кабинет.

Соломбин учтиво усадил своего гостя в кресло и стал приглядываться к нему, как будто видел его в первый раз.

Так оно и было на самом деле. Соломбин видел Ивана Михайловича Люсли впервые в своей жизни, но должен был встретить его и принять как знакомого и даже желанного гостя по его лиловой визитной карточке и по стоявшим на ней буквам «В. П. О.»

Люсли сел, подождал, пока сядет Соломбин, и тогда начал разговор – довольно странный и совершенно непонятный для человека, не посвященного в тайну, по-видимому, известную только им обоим.

Но они-то отлично понимали друг друга!

– Вы знаете, что красный цвет весьма близок к фиолетовому, – сказал Люсли и взялся за борт своего фрака.

– Красный, смешанный с синим дает фиолетовый, – спокойно ответил Соломбин, улыбнулся и, как будто случайно, три раза закрыл и открыл правый глаз.

– Синий тут ни при чем. Я говорю про красный, – возразил Люсли, вынул из кармана лиловую кокарду и нацепил ее себе в петлицу.

Тогда Соломбин встал и надавил какую-то пружинку, достал маленький ящик из бюро, достал оттуда кокарду красного цвета и тоже надел на себя.

– Я вижу, что вы именно тот, к кому у меня дело, – успокоительно произнес Люсли.

– Я не показал бы вам этого, если бы не убедился, что вы, в самом деле, тот, который может иметь ко мне дело, – заметил Соломбин.

– Рыжий Люсли наклонил голову.

– Вы являетесь одним из семи цветов радуги – Красным.

– А вы – Фиолетовым...

– Совершенно верно. Остаются еще пять.

– Пять, но на самом деле четыре...

– И это верно. Мне известно, что прежний Желтый «выцвел», как принято выражаться между нами. Но я должен успокоить вас: взамен прежнего найден новый Желтый в Петербурге...

Соломбин пожал плечами, как будто хотел сказать, что это вовсе не касается его.

– Остальные четыре, – продолжал Люсли, – поручаются вам. Я приехал к вам с просьбой, чтобы вы известили Синего, Оранжевого, Голубого и Зеленого, что мы должны собраться в четверг в восемь вечера.

Соломбин ничего не возразил, только спросил:

– Где?

Люсли дал ему подробный адрес.

2. Желтый

– Однако, – сказал Соломбин, – все мы, насколько мне известно, должны собираться не иначе как под председательством того, кто объединяет нас всех, то есть все семь цветов в одно – то есть Белого, – пояснил он Люсли.

– Ну да, Белого. – Утвердительно кивнул головой Люсли и промолвил:

– В четверг у нас будет председательствовать новый Белый, присланный нам из Парижа. Соломбин встрепнулся.

– Новый Белый? – переспросил он.

– Ну, да.

– Присланный из Парижа?

– Да.

– Значит, иностранец?

– Не знаю.

– Наверное, иностранец. Во всяком случае, если он прислан нам из Парижа, то уже не может быть из тех, которые действовали здесь прежде. Я не знаю, насколько это хорошо для нашего дела! По-моему, надо выбирать в качестве руководителя известное в стране лицо, обжившееся там и знакомое с бытом и нравами, что может тут сделать присланный из Парижа, не только не знакомый, может быть, с Петербургом, но и о России-то ничего не знающий и воображающий, что у нас по улицам ходят белые медведи?.. Я об этом посылал в Париж две мемории... Вы были в Париже?

– Я только что оттуда.

– Не слыхали ничего, как там смотрят на меня?

– Нет, не слыхал, да и вообще не считаю себя вправе вступать в какие-нибудь обсуждения, – коротко и сухо проговорил Люсли. – Мне поручено передать вам, чтобы вы сообщили о собрании Синему, Голубому, Оранжевому и Зеленому и сами приехали. А если хотите что-нибудь сообщить об общем деле – сделайте это на собрании...

И с этими словами Иван Михайлович Люсли встал, поклонился и направился к двери.

Соломбин не настаивал на продолжении разговора и проводил гостя до самой прихожей.

Люсли сел в карету, посмотрел на часы и велел везти себя на Гороховую.

С Черной речки на Гороховую путь был неблизкий, но отличные лошади бежали быстро, и Люсли, сидя в карете, не выказывал признаков нетерпения.

Напротив, покачиваясь на мягких рессорах дорогого экипажа, он смотрел в окно по сторонам с нескрываемой, почему-то торжествующей улыбкой и ехал по Петербургу с видом победителя.

Петербург того времени, то есть самого начала прошлого, девятнадцатого, столетия, не представлял собой той громады камня и железа, каким он является теперь, а потому не был летом так душен и тяжел, как теперь.

Деревья садов, давно уже вырубленных теперь и застроенных, освежали воздух своею зеленью, воды Мойки, Фонтанки и каналов не были загрязнены и казались прозрачными; вдоль всего Невского проспекта тянулись два ряда деревьев, зеленевших и превращавших тротуары в бульвары...

На Гороховой дома тоже перемежались с заборами, из-за которых свешивались ветви, но все-таки улица была пыльная и грязная.

Карета Люсли остановилась у двухэтажного дома, низ которого был занят двумя магазинами, а в верхний этаж вела довольно неказистая каменная лестница, заканчивавшаяся площадкой, с дверьми, обитыми окрашенным в зеленую краску холстом.

У этих дверей на цепочке висела кисть звонка, что было большим новшеством, едва еще перешедшим в Россию из-за границы...

Люсли, поднявшись по лестнице, дернул за звонок, подождал и, так как ему не отпирали, позвонил еще и еще раз.

За дверью послышались шаги, стукнул засов, и перед Люсли появилась заспанная фигурка лохматого подростка-казачка, испуганно смотревшего на посетителя.

– Поди доложи Ивану Александровичу, что их желают видеть, – приказал Люсли так грозно, что казачок, видимо, оробел и попятился.

Люсли вошел в прихожую.

– Кому? – переспросил казачок.

– Ивану Александровичу Борянскому, барину твоему, – повторил Люсли.

– Барину! – протянул казачок и стал чесать затылок. Он был в полном недоумении, как ему поступить.

Ему приказано говорить, если спросят, дома ли, что «дома нет», так он и говорил до сих пор, но тогда ему не приходилось еще иметь дела с прямым приказанием посетителя «идти и доложить».

– Барина дома нет, – наконец, выговорил он.

– Да, верно, он спит!

Барин действительно спал, и потому казачок уже решительно не знал, как ему быть теперь.

Между тем Люсли из прихожей уже вошел в первую большую комнату, нечто вроде зала.

Трудно было вообразить, в каком виде был этот зал: посредине его стояли три сдвинутых вместе ломберных стола, закапанных воском и исписанных мелом. Груда карт лежала в беспорядке. Восковые свечи, догоревшие до подсвечников, казалось, еще чадили. Карты валялись повсюду – и на полу, и на столе. Тут были согнутые, разорванные на клочки, оборванные и целые.

Особенно неприглядный вид производили растоптанные куски мела...

Стулья были разбросаны по всей комнате в полном беспорядке. В подсвечниках высились кучки золы, выбитой из трубок. Несколько чубуков с трубками были кинуты как попало.

Вдоль стены тянулся узкий стол, покрытый залитой вином скатертью и уставленный опустевшими бутылками и стаканами.

Зал носил на себе явные следы продолжавшейся всю ночь картежной игры, закончившейся настолько недавно, что дорвавшаяся наконец до сна прислуга не успела убрать его.

Люсли сел на первый попавшийся стул и, достав визитную карточку, передал ее казачку и приказал:

– Поди, разбуди барина и отдай ему это!

Казачок нехотя ушел.

Некоторое время все было тихо. Затем послышалось громкое ворчание, окрик и звонкая пощечина. Казачок стремительно вылетел и, держась за щеку, с воем перебежал зал.

Люсли не двинулся со своего места.

Ворчание усилилось; дверь, из которой вылетел казачок, распахнулась, и в зал вошел огромного роста, мускулистый человек с курчавой черной головой и большими бакенбардами. На нем был халат, который он, запахнув, держал одной рукой на груди.

Он остановился, расставив ноги, утвердился на них, опустил голову и красными, налившимися кровью глазами поглядел на Люсли.

– Я имею удовольствие говорить с господином Иваном Александровичем Борянским? – спросил Иван Михайлович.

– Ну удовольствия, я думаю, мало говорить со мною, в особенности, в такой обстановке, – ответил Борянский, после чего осмотрел зал, двинул плечом, не то чтобы сделать вид, что

пожал им, не то чтобы поправить халат, сползавший с него, и проговорил: – Фу, какое свинство! Пройдемте сюда, в гостиную.

Но и в гостиной оказалось не лучше. Там тоже повсюду валялась зола из трубок, недопитые стаканы и бутылки.

– Говорите, пожалуйста, быстрее, в чем дело, – сказал Борянский, – мне спать хочется!

– Я вижу, – улыбнулся Люсли, – вы всю ночь играли в карты.

– Двое суток подряд... Ну, вы ко мне явились от этого... как его... «Общества прав обездоленных» что ли?

При этом Борянский посмотрел на лиловую визитную карточку Ивана Михайловича Люсли, которую держал в руках, и в углу которой стояли буквы «В. П. О.», что и означало «восстановление прав обездоленных».

Ивану Михайловичу Люсли такой откровенный приступ не совсем понравился; он поморщился и проговорил:

– Вы высказали желание поступить в это общество и были приняты в него как один из семи деятелей, различавшихся по цветам радуги, Вам достался желтый цвет, и я привез для вас кокарду этого цвета, чтобы вы надевали ее в знак вашей принадлежности к «обществу восстановления прав обездоленных...»

И с этими словами Люсли передал своему собеседнику желтую кокарду, а сам нацепил себе в петлицу лиловую.

Борянский взял кокарду, мельком взглянул на нее и, небрежно бросив ее на стол, сказал:

– Все это – пустяки... эти цвета, кокарды... и всякая такая мистика... А вы мне лучше о самом деле расскажите! Ведь, насколько я понимаю, общество занимается тем, что отыскивает наследства без прямых наследников и находит затем подходящих людей, к которым правдой или неправдой может перейти вымороченное наследство?

– Ну зачем же неправдой?.. – попробовал возразить Люсли.

– Ну ведь я не вчера родился! – перебил его Борянский, – и не считаю себя институткой; да и не все ли равно: правдой там или неправдой, раз все делается на законном основании и за это получают денежки!.. Ведь вы права-то обездоленных не даром восстанавливаете?

– Ну конечно не даром! – согласился Люсли.

– Ну вот то-то и оно!.. Видите, если умно дело повести, то большие капиталы на этом нажить можно!

– Об этом распространяться с вами я не имею права! – остановил его Люсли. – Мое дело передать вам кокарду вашего цвета и пригласить вас на общее собрание в четверг. Оно будет происходить под председательством нового Белого!

– Ох! – махнул рукой Борянский, – бросьте вы эти кокарды и цвета!.. Тут человек две ночи не спал, у него глаза словно медом смазаны, а вы разные рацеи разводите. Если вы зовете меня в четверг только затем, чтобы в краски играть да кокардами щеголять, так я не приеду! Я, знаете ли, такой человек, что мне подавайте существенное, а без этого самого существенного я никуда не поеду!

– Если вы под существенным, – спокойно сказал Люсли, – подразумеваете деньги, то я могу вручить вам от имени общества до тысячи рублей сейчас, если вам угодно; на это я уполномочен!

– Вот это – дело! – воскликнул Борянский, ударив рукой по столу, – вот это – дело!.. Мне деньги кстати сегодня.

– А? Проигрались, верно! – усмехнулся Люсли, доставая из кармана пакет с кредитками.

– Я никогда не проигрываю, – даже обиделся Борянский, – нет-с, в эти двое суток у меня недурной улов был; до двадцати пяти тысяч я как раз восемь сотен с тремя десятками недобрал... Вот я этот недобор из этой тысячи пополню и кругленькой суммой в двадцать пять

тысяч в банк внесу. Оно остроумно выходит: выиграю в банк, и будет положено в банк. Но не карточный стол, а в государственный!

Борянский взял деньги, пересчитал их, зажав в кулак, и, видимо, считая разговор оконченным, раскланялся с Люсли, заявив ему, что пойдет теперь спать и что в четверг приедет на заседание. Затем он удалился, держа наотмашь в кулаке полученные от Люсли деньги.

3. Аукцион

Иван Михайлович Люсли, разговаривая с Борянским, несколько раз посматривал на часы, как человек, который торопится и поэтому не может пускаться в долгие разговоры.

Он остался доволен краткостью своей беседы с Борянским и, выходя от него и садясь в свою карету, еще раз посмотрел на часы, которые показывали без двадцати минут два, и проговорил:

– Я еще успею...

Не более как через десять минут он подъехал к небольшому одноэтажному дому-особняку на Моховой улице.

– По-видимому, в этом доме был как будто съезд. У крыльца стояло несколько собственных экипажей и извозчиков, но съехались сюда, по всем признакам, отнюдь не гости.

В передней не было прислуги, она не выскакивала на крыльцо навстречу подъезжавшему экипажу.

На крыльце топтались какие-то чуйки, и некоторые окна были отворены и в них можно было видеть внутри дома свободно расхаживавших людей самых различных сословий. Тут были и щеголи, и бородатые купцы.

Больше всего было похоже, что в доме происходили похороны. В сущности, так оно и было в самом деле, только хоронили не человека, а его состояние, распродавали последнее, что у него было.

Этот дом принадлежал Максиму Геннадьевичу Орлецкому и продавался с аукциона вместе со всей находившейся в нем обстановкой.

Кто, собственно, был этот Максим Геннадьевич Орleckкий, никто хорошенько не знал. Не знали также, почему продается с аукциона его имущество – за долги или по какому-то другому случаю.

В «Петербургских Ведомостях» было помещено об этом аукционе объявление, и по этому объявлению в дом на Моховую съехались и сошлись разного звания люди.

Начало аукциона было назначено на два часа, и Люсли, по-видимому, сильно интересовался продажей, потому что торопился попасть к этому времени. Войдя в дом, он не стал осматривать продававшиеся вещи и обходить дом, а преспокойно сел в первой, служившей залом, комнате на стул и, заложив ногу за ногу, принялся терпеливо ждать, когда начнется аукцион...

Последний начался минут на сорок позднее назначенного часа, и было объявлено, что сегодня будут продаваться книги из библиотеки, причем первыми пойдут дорогие, старинные.

Эти книги, несмотря на то, что они были «дорогие и старинные», были оценены в два и три рубля. Они так и пошли за эту цену, потому что никто из присутствующих почти ничего не набавлял, и аукционист то и дело постукивал в третий раз молоточком и обращался к тому, кто накидывал пятачок или двугривенный против оценки, со словами:

– За вами!

Дошла очередь до старого латинского молитвенника, обтянутого кожей переплета с медными застежками.

– Латинский молитвенник! – провозгласил аукционист. – Оценка – полтора рубля... Кто больше?..

– Пять копеек! – сказал Люсли.

– Рубль пятьдесят пять... – протяжно, нараспев привычным голосом произнес аукционист. – Кто больше?

– Рубль, – вдруг послышался голос из угла, противоположного тому, где сидел Люсли. Голос был довольно хриплый и неприятный.

Люсли, приподнявшись со своего места, постарался рассмотреть своего конкурента, сразу на рубль повысившего цену на молитвенник.

Это был человек в довольно потертом гороховом костюме, в мятой, далеко не первой свежести рубашке, с торчащими взъерошенными во все стороны усами. Эти усы служили как бы главным отличительным типом его существа. Он сидел, слегка склонив голову, и, зажмурив правый глаз, левым издали глядел на лежавший на столе аукциониста молитвенник так, будто целился в него.

– Два рубля пятьдесят пять копеек, кто больше? – крикнул аукционист.

– Пять копеек! – поспешно добавил Люсли.

– Рубль! – сейчас же прозвучал хриплый голос конкурента.

Люсли не отстал; он сейчас же набавил пятачок, и тут же со стороны его конкурента раздался, как эхо, «рубль»!

Так они стали перекликаться, и аукционист едва успевал подхватывать и выкрикивать набавленную цену.

Цена была набита уже до ста трех рублей тридцати пяти копеек, но Люсли все прибавлял по пятачку, а его конкурент – по рублю.

Наконец тот, словно размахнувшись, вдруг стал прибавлять по двадцать пять, а Люсли хватил сто рублей сразу.

– Двести тридцать два рубля пятьдесят пять копеек! – провозгласил аукционист.

– Двадцать пять рублей! – спокойно прибавил хриплый голос усатого человека.

Люсли начал горячиться и прибавлять десятками рублей.

Среди присутствовавших начался удивленный шепот, почему это вдруг латинский молитвенник так непомерно растет в цене. Большинство никак не могло предполагать, чтобы книга могла оцениваться сотнями рублей и чтобы могли найтись люди, способные заплатить за книгу такие деньги.

Не менее других был удивлен и сам аукционист. Много вещей приходилось ему продавать на своем веку, но во всей своей практике он не помнил случая, чтобы цена на книгу росла так, как теперь.

Цена уже перевалила за тысячу, а конкуренты все набавляли, и ни один не желал отступать.

Первым все же стал выказывать беспокойство Люсли. Он достал кошелек, перебрал все находившиеся там золотые, достал бумажник и пересчитал находящиеся там деньги.

Всего у него было тысяча восемьсот восемь рублей в кармане – цифра, особенно оставшаяся в памяти у него, потому что она случайно совпала с цифрой года, в котором все это происходило, и он шел до этой цифры. Но вот его конкурент дал тысячу восемьсот двадцать пять рублей, и Люсли вынужден был отстать.

Он был бледным, как полотно, и сильно взволнован, когда аукционист, ударив по столу молотком, громогласно заявил:

– Тысяча восемьсот двадцать пять третий раз!.. – и, затем, обращаясь к усатому человеку, добавил: – За вами!..

Люсли сжал кулаки, стиснул зубы и, топнув ногой в досаде, пошел к двери, показывая этим, что только и интересовался на аукционе латинским молитвенником и не желает больше оставаться, так как не хочет покупать ничего.

Он выскочил на крыльцо в таком виде, как будто готов был упасть в обморок, – настолько поражен он был своей неудачей.

На свежем воздухе Люсли вздохнул немного свободнее и остановился, вбирая в себя этот воздух и вместе с тем, как бы обдумывая, что ему теперь делать.

Пока он так стоял на крыльце, появился и его более счастливый конкурент, который тоже приходил, видно, на аукцион за молитвенником и, приобретя его, вполне удовлетворился и теперь уходил домой.

– Скажите, пожалуйста, – обратился к нему Люсли, – почему вы так набавляли цену на молитвенник?..

Усатый человек поглядел на него, прищурясь, и принял такой гордый вид, который совершенно не соответствовал ни потертому гороховому костюму, ни его взъерошенным усам.

Люсли увидел, что с этим человеком нельзя было обращаться бесцеремонно, и поэтому поспешил назвать себя и спросил, в свою очередь, с кем имеет честь?

Тогда его конкурент галантно расшаркался (на ногах его вместо сапог было нечто вроде спальных туфель) и, сняв картуз, проговорил:

– Я наречен при крещении Орестом, а фамилия моя Беспалов!.. Чем могу служить вам?

– Мне хочется узнать, почему вы так набавляли цену на молитвенник?

Орест Беспалов поставил усы ежом, задумался и пожевал губами, а потом спросил:

– Вы в карты когда-нибудь играли?

Люсли удивился этому неожиданному вопросу, но все-таки ответил:

– Играл!

– Ну так должны знать, что такое фунт! С географией вы тоже, вероятно, знакомы?

– Ну!..

– Ну, значит, знаете, что такое Азия? А все вместе – выйдет фантазия... Поняли?

– Ничего не понял! – сказал Люсли.

– Странно! – сказал Орест. – А между тем все так просто, как «добрый день», как говорят французы! Такова была моя фантазия, чтобы набавлять за молитвенник цену.

– И вы бы мне не уступили ни за что?

– Ни за что!

– И только из-за фантазии?

– Только из-за фантазии.

4. Орест Беспалов

– Но, может быть, теперь, когда ваша фантазия, так сказать, удовлетворена, проговорил Люсли, – вы согласитесь перепродать этот молитвенник?

Орест покачал головой и, подняв палец, помотал им в воздухе.

– Никогда!

– Почему же это?

– Это – наша государственная тайна...

– Ваша? Значит, не вы один знаете ее, а и еще кто-то?

– Почему вы так думаете?

– Да потому что вы иначе бы сказали не «наша», а «моя...»

Орест нахмурил брови и строго произнес:

– Во-первых, я должен вам, досточтимый джентльмен, заметить, что Орест Беспалов имеет обыкновение говорить про себя часто во множественном числе, хотя и признает, что он – единственный в мире, что и доказано несомненными данными, а во-вторых, в данном случае вы совершенно правы: это государственная тайна не моя, а другого лица... И тут еще есть третье лицо... Замечаете мое красноречие?..

Люсли подумал и вдруг предложил Оресту:

– Не хотите ли пойти позавтракать?

– Вы хотите угостить меня или хотите, чтобы я угостил вас? – спросил Орест.

– Нет, отчего же?.. Я с удовольствием поставлю вам бутылку вина.

– Не пью! – пожал плечами Орест.

– Не пьете, вы?

– Ну да. Вина не пью!..

– А что же?

– Только водку! Всем другим пренебрегаю: кислятина!

– Отлично. Я угощу вас водкой.

– Покорно благодарю, с удовольствием! Сейчас видно, что вы – человек воспитанный, а с таким я всегда охотно вступаю в общение. Это ваша колесница? – показал Орест на карету Люсли.

– Моя, – ответил тот, – не угодно ли вам сесть?...

– С восхищением!.. – И Орест ловко вскочил по подножке в экипаж с таким видом, словно кататься в каретах для него было дело привычное.

Люсли, одетый франтом, сообразил, что ему неудобно будет показаться в хорошем ресторане вместе с таким по виду невзрачным товарищем, каков был этот Орест Беспалов, и велел кучеру своей кареты остановиться у трактира средней руки, где, по правде сказать, редко останавливались кареты.

Зато их и встретили с поклонами и провели не в общий зал, а в отдельную комнату, предназначенную для почетных посетителей.

– Так что же заказать? – обратился Люсли к Беспалову.

– Вина и фруктов! – сказал тот.

– Но ведь вы вина не пьете?!

– О святая простота! – улыбнулся Орест.

– Под вином подразумевается водка, а под фруктами – огурцы!

– Значит, водки и закуски?

– Вот именно.

Люсли распорядился.

Видно, он был очень заинтересован молитвенником, купленным Беспаловым на аукционе, что не погнушался познакомиться с этим не только по облику подозрительным субъектом, но и по разговору тоже, но и отправился с ним вместе в трактир...

Не могло быть сомнения, что Беспалов купил молитвенник не для себя, – откуда ему было взять тысячу восемьсот двадцать пять рублей? Но странным казалось, что кто-то мог ему доверить такую сумму?

Все это Люсли надеялся выяснить.

Поэтому, когда принесли водку и закуску, он сначала дал Оресту выпить хорошенько, а после этого принялся его расспрашивать.

Сам-то он знал, почему можно было дать такие большие деньги за молитвенник, и его интересовало, известно ли это самое Беспалову или тому, кто ему дал это поручение?

– Итак, вы купили молитвенник на том основании, что это – ваша государственная тайна? – начал Люсли, когда Орест опрокинул три рюмки водки, причем первую закусил кусочком черного хлеба с солью, а после второй и третьей только понюхал корочку.

– Да-с, это – тайна, так сказать, впрочем, не такая уж и сокровенная, – заявил Беспалов, заметно подобрев после выпитой водки.

– В чем же тут дело? – подзадорил его Люсли.

– А дело тут в том, что оный молитвенник составляет до некоторой степени семейную реликвию...

– Вашу?

– Нет, не мою, но лица, мною покровительствуемого...

– Вы кого-нибудь покровительствуете?

– То есть, положим, это выражение не совсем подходящее, потому что правильнее мы с ним просто в отличных, даже дружеских отношениях...

– Как же его зовут?

– Его полное имя – Александр Николаевич Николаев, а в аристократическом обществе его зовут сокращенно – Саша Николаич...

– И молитвенник составляет его фамильную реликвию?

Этот допрос, похоже, ничуть не смущал Беспалова, и потому он, не задумываясь, ответил:

– Совершенно верно. Этот молитвенник когда-то принадлежал аббату Жоржелю, ставшему впоследствии...

– ...Кардиналом Аджиери, – подсказал Люсли.

– Вот-вот, кардиналом Аджиери. Оно самое.

– Так какое же отношение имеет кардинал Аджиери к господину Николаеву?

– А он не более, не менее как отец этого господина Николаева.

– Так Николаевич – сын кардинала?!

– Да, и одной русской графини, то есть, вернее, одной бывшей графини, а теперь просто госпожи Дюплон...

– Это что-то очень сложное...

– Да-с, история очень длинная и непростая; это смело можно сказать, не медведь в трубку начал... Романея... цельная романея...

– Как вы сказали?

– Я говорю, романея, то есть романтическое происшествие, и если вы – писатель или хотя бы желаете стать таковым, вы можете заимствовать готовый сюжет...

– Расскажите, пожалуйста...

Орест Беспалов покачал головой.

– Если все рассказывать, то в этом графинчике водки не хватит...

– Вы не беспокойтесь, я велю подать еще, – сказал Люсли, после чего налил и себе рюмку водки и выпил ее приемом человека, тоже умеющего обращаться с этим напитком.

– Тогда извольте, – согласился Орест. – Надобно вам сказать, что я жил в так называемой своей семье, которая состояла из четырех душ: меня, то есть Ореста Беспалова, моего брата, слепого Виталия, молодой девицы, воспитанницы, или приемной дочери Марии и нашего отца, титулярного советника в отставке Власа Семеновича Беспалова. Сей почтенный гражданин земли русской разгуливал по дому с трубкой в халате. Слепой Виталий сидел в углу и мечтал о том, сколько миллиардов ему нужно для исполнения своих мечтаний. Девица Мария, отличавшаяся необыкновенной красотой, брала работу – шитье от разных лиц аристократического происхождения, и тем увеличивала наш скудный бюджет... Я по преимуществу ходил в трактир и играл там на бильярде...

– Да что ж вы про себя все рассказываете? Вы мне расскажите про Александра Николаева и про молитвенник...

– Дойдет дело и до этого всего. Вы только следите внимательно за нитью моего рассказа, а также и за тем, чтобы была водка в графинчике...

5. Рассказ Ореста

– Титулярный советник Влас Семенович Беспалов, в сыновьях которого я имею честь состоять, – продолжал Орест, – обладал домишком низменного, правда, свойства, но все-таки довольно приличного для местожительства нашего, извините за выражение, семейства. Досточтимый мой родитель нашел, что наше обиталище несколько просторно и что имеется возможность сдавать одну комнату, хотя, заметьте, я, Орест Беспалов, имел свое логовище в проходном коридорчике за шкафом. Как сейчас помню это время: родитель сам написал на куске бумаги: «Сдается комната со всеми удобствами», сам сварил клейстер и, не пожалев его, наклеил надпись на окно, и вот эту комнату нанял названный уже мною вам Александр Николаевич Николаев, с которым впоследствии я сошелся так, что не могу упустить случая, простите, выпить за его здоровье.

Орест налил себе водки, выпил, а потом опять заговорил:

– Господин Николаев был молодым человеком, блиставшим, можно сказать, в петербургском обществе, но не знавший ни отца своего, ни матери и вообще не имевший никаких сведений о своем происхождении. Однако по паспорту он значился дворянином, был воспитан в Париже неким человеком, а затем, после смерти этого человека и по его указанию, перебрался в Петербург и получал здесь, через заграничный банкирский дом, неизвестно от кого, изрядную сумму, кажется, тысячу рублей в месяц. Ну, разумеется, эти деньги позволяли ему быть среди высшего общества столицы и все прочее... И вдруг в банке ему сказали, что выдача денег ему прекращается и больше он их получать не будет... Александр Николаевич распорядился круто и это послужило ему спасением, потому что он нашел меня... Он решил, лишившись средств, немедленно изменить жизнь, катившуюся до сих пор для него слишком роскошно, и нанял сдаваемую титулярным советником Беспаловым комнату. Тогда мы встретились, и с тех пор уже не расставались.

– Что же, он тоже любит выпить? – усмехнулся Люсли.

– К сожалению, – вздохнул Орест, – у него огромный недостаток: он совершенно не признает водки и, несмотря на все мои убеждения, пренебрегал этим напитком... Мало того... даже меня старается отучить от водки, хотя это все равно, что отучить месяц ясный от солнечных лучей, которыми он светит... знаете? – вдруг перебил сам себя Орест, – это так здорово сказано, что я по этому поводу выпью.

– Ну, хорошо, так что же Николаев-то?

Орест снова выпил, закусил огурцом и продолжил свой рассказ:

– Вы спрашиваете, что сделал Николаев?.. Он нанял у нас комнату и жил якобы в бедности. Но затем в Петербурге явился француз Тиссонье, бывший приближенный его отца, чтобы сообщить ему о смерти его отца, кардинала Аджиери, который оставил ему все свое состояние, а оно заключалось в мызе, расположенной в отдаленной от нас стране Голландии... Надобно вам сказать, что этот кардинал Аджиери в прежнее время под именем аббата Жоржеля служил у знаменитого кардинала де Рогана личным секретарем. В это время он, то есть аббат Жоржель, сошелся с некоей русской графиней, и у графини в Амстердаме родился сын, которого она должна была скрыть от мужа, находившегося в России. Аббат на себя взял все заботы о дальнейшей судьбе ребенка и исполнял это свято, хотя не мог держать мальчика при себе даже в качестве воспитанника, потому что этот мальчик был как две капли воды похож на него. Он воспитал мальчика, дал ему средства к существованию, и средства большие, а затем, когда умер, то оставил ему все свое состояние.

– И большое? – спросил Люсли.

– Огромное! – сказал Орест. – Мы с Александром Николаевичем были в Голландии и вступили в права наследства, потом вернулись в Петербург и тут, совершенно случайно, нашли

свою мать. Это была графиня Савищева, женщина чрезвычайно богатая, а затем, по воле рока или, вернее, происков злых людей, лишившаяся своего состояния и имени... Дело было в следующем: оказалось, что она была венчана по подложному документу, и потому ее брак с графом Савищевым был расторгнут, ее сын был объявлен незаконным и лишился таким образом своего титула, а состояние по закону перешло к ее племяннице. Эта несчастная женщина, как пишется в повестях, была в чрезвычайно бедственном положении и вдруг, совершенно случайно, благодаря одному документу выяснилось, что мой приятель Николаев – не кто иной как ее сын... Он снова окружил ее царственной роскошью.

– Ну, а тот, другой... бывший граф Савищев?.. что с ним сделалось? – тихо проговорил Люсли, слушавший с опущенной головой.

– Он пропал неизвестно куда! – ответил Орест.

Люсли провел рукою по лбу и после некоторого молчания, не сразу, спросил:

– Ну, а она, эта бывшая графиня Савищева, вспоминает когда-нибудь его?..

– Кого это? – не понял Орест.

– Своего пропавшего сына?..

– Нет, редко! – равнодушно произнес Орест.

– Ну, хорошо, – стал спрашивать дальше Люсли, – а этот молитвенник?..

– За который вы давали на аукционе бешеную сумму? – спросил Орест.

– А вы дали больше?..

– Ну, я-то давал известно почему... а вот ради чего вы лезли на стену?.. хотя, во всяком случае, я вижу теперь, что молитвенник стоит этих денег, раз вы готовы были заплатить...

– Я – просто любитель старых, редких книг, – пояснил Люсли, – и не мудрено, что желал приобрести редкий экземпляр, не жалея денег... но почему вы решились дать такую сумму...

– Да потому, что тут для меня в некоторой степени шел вопрос о жизни и смерти... Дело в том, что на покровительствуемого мною вольного кабальера Николаева нисходит иногда странное желание отучить меня от водки... Тогда он лишает меня так называемых вивров, то есть перестает давать мне деньги на приобретение необходимого для моей натуры количества алкоголя... Можете в мое положение войти?.. Мое существование тогда превращается в подлое прозябание, которое совершенно не соответствует достоинству Ореста Беспалова. Я не знаю, какую надо иметь ожесточенную душу, чтобы обвинить меня за то, что я, лишенный водки, в тоске по ней, спер латинский молитвенник у Француза Тиссонье... «Француз знает и без того этот молитвенник наизусть... так зачем он ему?» – рассудил я и снес книгу к букинисту. Тот дал мне за нее пять рублей. Ну, разумеется, разыгралась история! Саша Николаич поставил мне ультиматум: или чтобы я достал ему назад молитвенник, или чтобы я больше ему на глаза не показывался. Это было довольно неделикатно с его стороны, но я решил не обращать внимания на эту неделикатность, потому что между нами, джентльменами... знаете... это наплевать, как говорила королева Мария Антуанетта... Мой милейший Саша Николаич велел мне не стесняться в деньгах, лишь бы откупить молитвенник, но оказалось, что букинист, которому я спустил молитвенник, успел уже продать его господину Орлецкому, а тут еще, как нарочно, аукцион у этого господина, вот я и подоспел...

– И торговали на деньги господина Николаева?

– Истина говорит вашими устами!

– И не постеснялись дать тысячу восемьсот рублей?

– Такова ширина моей натуры!..

– Ну, благодарю вас за сведения... Мне пора отправляться...

– Куда же вы? – с некоторым сожалением протянул Орест, – вы бы лучше велели дать мне еще водки, а я бы вам рассказал о нашем пребывании в Голландии...

– Как-нибудь в другой раз. Теперь я тороплюсь. У меня дела. Вас где можно найти?

– В доме Александра Николаевича Николаева...

– У него свой дом?

– Да. На Невском проспекте, двухэтажный каменный, недалеко от Аничкина моста, с садом... Так вы положительно уходите?

– Ухожу.

– Значит, дальше мне на свой счет пить?.. Грустно! Вы, может быть, на бильярде играете? Хотите партию?..

– Нет, благодарю вас...

– Жаль! Вы – отличный собеседник...

Но Люсли не стал дальше слушать, а простившись с Орестом, ушел из трактира. После его ухода Орест приказал половому:

– Принеси мне теперь графинчик за мой собственный счет...

6. Тень прошлого

Выйдя из трактира, где он только что беседовал с Орестом Беспаловым, Люсли выказал поспешность необычайную. Он вскочил в карету и крикнул кучеру:

– Как можно скорее домой!

Домом Люсли оказалась гостиница в Новоисакиевской улице, куда и привезла его карета во весь дух, потому что он то и дело подгонял кучера.

Люсли занимал номер в дорогом нижнем этаже и быстро прошел к себе.

Его ждал высокий благообразный старик с длинною седою бородой и волосами, выбивавшимися из-под черной шапочки, которую он не снял и в комнате. Одежду старика составлял длинный черный немецкий оберрок старинного фасона, и по-старинному же на его ногах были чулки, башмаки с пряжками и короткое исподнее платье.

По виду старика можно было принять за ученого восемнадцатого столетия, как бы случайно забытого на земле в девятнадцатом веке. Он сидел в большом кресле спиной к окну, так что мог сразу же разглядеть вошедшего Люсли.

Последний, войдя, поклонился так, точно хозяином здесь был не он, а ожидавший его старик.

– Ну что? – спросил тот, не отвечая на поклон Люсли и лишь пристально уставившись на него своими горячими, как уголья, глазами. – Молитвенник куплен?

Люсли, видимо, не ожидал ни такого сурового тона, ни такого определенного вопроса. Он остановился и почувствовал, что бледнеет и как невольная дрожь охватывает его. Подобного пронизывающего взгляда он еще никогда не видел.

– Нет, – нерешительно произнес он.

– Нет? – переспросил старик. – Молитвенник не куплен, несмотря на мое приказание купить его во что бы то ни стало?

– Но у меня не было денег! – слабо возразил Люсли.

– Вы пошли торговаться на аукцион, не захватив с собой денег?

– Со мной было всего тысяча восемьсот рублей, а мой конкурент дал тысячу восемьсот двадцать пять...

– Надо было дать больше.

– Но у меня с собой было всего тысяча восемьсот восемь рублей. Я никак не ожидал, что кто-нибудь будет так набавлять и этих денег мне не хватит.

– Значит, вы не имеете понятия об условиях аукциона. Имея даже меньшую сумму в кармане, вы бы могли набавлять сколько угодно.

– Как это так? – удивился Люсли.

– Очень просто, – пояснил старик, – ни на одном аукционе не требуют немедленного взноса платы. Вам достаточно было сегодня внести небольшой задаток, а плату полностью вы могли бы внести завтра или даже позже.

Люсли опустил голову и руки.

– Я этого не знал! – прошептал он.

– А между тем это настолько просто, что я даже не считал нужным предупредить вас об этом, – проговорил старик. – К сожалению, я не знал, что имею дело со столь малоосведомленным человеком. Как же вы не справились раньше обо всем? Ведь вы знали, насколько важно для общества иметь этот молитвенник в руках!

– Знал!

– Вы знали, что то, что скрыто в этом молитвеннике, стоит неизмеримо больше несчастных тысячи восьмисот рублей?..

– Знал!

– И все-таки упустили эту вещь, упустили по-детски, по-младенчески легкомысленно!.. А это было ваше первое дело, порученное мною вам, обществом нашим. Я знал, что вы еще новичок и потому дал вам легкое поручение, но вы и его не сумели исполнить. Это значит, что вы доказали свою полную неспособность. Общество не может в дальнейшем доверять вам. Я приказываю вам немедленно вернуть вашу фиолетовую кокарду, вы лишаетесь вашего цвета. Я заменяю вас другим членом общества...

При этих словах старика Люсли отступил на шаг назад и, прижав одну руку к груди, другою провел по воздуху, как будто хотел отстранить что-то надвигающееся на него.

– Я не отдам своей кокарды! – решительно произнес он.

Старик усмехнулся и сказал:

– Вот как? Вы хотите насильно остаться одним из семи?

Люсли всплеснул руками и заговорил взволнованно и быстро:

– Нет, я ничего не хочу делать насильно, но я буду просить вас, молить, потому что имею право больше, чем кто-нибудь, носить эту кокарду. Тем, что я не купил сегодня на аукционе молитвенника, еще не все потеряно, решительно ничего, потому что я знаю, в чьих он руках. Он опять вернулся к французу Тиссонье, от которого попал к букинисту, продавшему его Орлецкому. Но этот Тиссонье, этот наперсник кардинала Аджиери, он находится при его сыне Николаеве. И вот этот Николаев – заклятый враг мой, понимаете ли. Я не отступлю ни перед чем в отношении его, если это будет нужно. Я должен во что бы то ни стало свести с ним свои счета. Вы – новый «Белый» для нас, только что приехавший в Россию, – хотя и владеете отлично русским языком, но не знаете всего того, что происходит здесь и происходило до вас. Вы не знаете ни кто я, ни что я. Ну, так вам я расскажу... Я расскажу вам, потому что вы, как Белый, соединяющий все семь цветов, властвуете над нами и значит властвуете надо мной... Слушайте же! Эти рыжие волосы – не мои, они поддельные. Эти огромные синие очки, которые я ношу, служат мне для того, чтобы изменить мое лицо так, чтобы меня не узнавали. Я называюсь Иваном Михайловичем Люсли, а на самом деле я родился графом Константином Савищевым. Я был богат еще недавно, жил в богатом доме, у меня была мать, обожавшая меня... И я был дружен с этим Николаевым. Я принужден был разойтись с ним, потому что он перестал вдруг получать деньги, составлявшие его ренту, словом, он обеднел и не мог поддерживать прежние знакомства. Когда я сказал ему это, то выяснил, что он обозвал меня «подлецом». И этого «подлеца» я не прощу ему никогда. С тех пор меня стали преследовать несчастья. Я позарился на большое дело, у меня выманили метрическое свидетельство моей матери и устроили как-то так, что оно вдруг оказалось подложным. Как это вышло, я не могу разобраться до сих пор, но в конце концов на основании этого подложного метрического свидетельства брак моей матери с моим отцом, графом Савищевым, был расторгнут, а я был объявлен незаконным сыном!.. Наше состояние перешло к моей двоюродной сестре, и я вдруг оказался нищим, со старухой-матерью на руках, лишенным рода и племени, лишенным имени... И вдруг снова появляется этот Николаев, Саша Николаич, как мы все его звали. Он стал богатым, он владеет огромным состоянием, полученным им от отца, и мог пренебрегать мною, которому он бросил в лицо «подлеца...» Этого я не мог вынести. Чаша моего терпения переполнилась, и я, правда плохо сознавая окружающее, вышел на улицу, шел, не зная куда, очутился на мосту и бросился в реку. Жить мне стало невмоготу. Но оказалось, за мной следили! Меня спасли, и спасен я был по приказанию вашего предшественника, который, вернув мне жизнь, не захотел вернуть меня снова к нищете, но дал мне руководителя. Последний мало-помалу посвятил меня в тайны общества восстановления прав обездоленных и взамен этого потребовал от меня отречения от всех прежних связей, потребовал, чтобы я даже оставил мать, словом, все и предался исключительно обществу. Я согласился на все, лишь бы мне была дана возможность отомстить моему обидчику. И мне обещали это. Сегодня, правда, я исполнял первое данное мне поручение от общества и вот при исполнении этого первого своего поручения опять же

наткнулся на того же Николаева. Молитвенник был куплен его посланным. Мне кажется, что это сама судьба посылает мне его. И я сделаю все, чтобы достать для общества этот молитвенник, хотя бы для этого мне пришлось даже убить Сашу Николаича. О, будьте покойны, я не моргну, делая это, – до того он мне ненавистен. Вот почему я не хочу отдать кокарду и молю не лишать меня моего цвета. Если вы сделаете это, уверяю вас, вы лишитесь самого преданного, самого отчаянного слуги вашего общества.

(В начале XIX столетия народилось так много таких секретных обществ, которые, наряду с масонами, розенкрейцерами, перфектибилистами и другими всевозможными братствами преследовали более или менее возвышенные цели, прикрывая их таинственными, мистическими оболочками различных обрядов и условностей. «Общество восстановления прав обездоленных» было организовано по образцу тех же мистических союзов, то есть с известной иерархией, посвящениями, разделением на степени, совершением обрядов и т. д., и в первые годы своего существования оно искренне помогало только обездоленным, отыскивая действительных наследников с тем, чтобы помочь им в получении следуемых им по закону или по завещанию состояний от умерших родственников. Вначале члены общества отчисляли в свою пользу лишь самый незначительный процент с суммы наследства, чтобы иметь возможность поддерживать существование общества, но впоследствии этот процент все увеличивался и увеличивался, и общество стало, главным образом, заботиться только о себе, стремясь к своему личному обогащению, и таким образом превратило благородные идеи в средство самой грубой наживы.

Не довольствуясь уже и крупными процентами с разыскиваемых ими наследств, члены общества перестали отыскивать лишенных состояния по несправедливости наследников с тем, чтобы восстановить их права, а старались, прежде всего, найти богатые спорные наследства и затем сделать так, чтобы львиная часть пришлась на их долю, а якобы облагодетельствованные ими наследники, получали крохи. Но в это время они стояли на почве самого строгого закона и обделывали свои дела так, чтобы к ним никак нельзя было придраться. При этом они пользовались огромными связями и капиталами.

Главари, направлявшие «рабочие силы», находились в Париже. Отделения же и агенты их находились повсюду.

Обрядовая мистическая сторона общества совершенно утратилась в погоне за материальными благами, и единственным их пережитком были кокарды и разделение вожаков и агентов общества по цветам).

Люсли говорил долго, а старик молча, терпеливо слушал его. Бесстрастное, спокойное лицо старика все время было неподвижно, и по нему нельзя было заметить, что он думал и как относился к горячей речи бывшего графа Савищева. Наконец, когда тот кончил, старик медленно поднял взор на него и сказал:

– Все это так. Но неужели вы думали, что все это мне неизвестно?

Люсли растерянно кивнул. Он никак не ожидал этого.

– Вам все это было известно?

– Ну, разумеется, иначе бы я не годился в ваши «белые» здесь, в Петербурге, если бы не знал о составе своих цветов. Разумеется, мне это было известно!.. Но я не перебивал вас, пока вы говорили, потому что мне нравилась та горячность, с которой вы делали это... И эта горячность спасает вас в моих глазах... Хорошо!.. На этот раз сохраните свой цвет и постарайтесь дальнейшей деятельностью заслужить мое одобрение и одобрение общества.

– О! – воскликнул Люсли. – Поверьте, что я достану этот молитвенник!..

Старик встал со своего места, подошел и, положив ему руку на плечо, сказал:

– Помните одно! Ничего не делайте по собственному почину, без моего приказанья, иначе я отниму у вас кокарду...

После этого он вышел, махнув рукой Люсли, чтобы тот не провожал его.

7. Месяе Орест опять нездоров

Орест Беспалов выпил на собственный счет еще целый графинчик и так «разукрасился», что домой возвращался совсем нетвердыми шагами. Он шел, пошатываясь, на растопыренных ногах, как ходят по палубе моряки, и громко рассуждал сам с собой.

Рассуждения Ореста были очень глубокомысленны, и он изредка находил, что дважды попал не туда, потому что положительно плохо то, что он был в незнакомом трактире, так как из знакомого ноги сами идут домой по привычке, а тут удивительно трудно сообразить, где он и куда надо идти.

Конечно, можно было бы спросить, но все дело в том, что бывает удивительно трудно выговорить такие слова, как «Невский прррроспект!» Но вот, однако, Орест отыскал эту улицу, а на ней и дом Саши Николаича.

Стараясь держаться теневой стороны, он обогнул этот дом, причем на углу, на повороте, удержался за водосточную трубу и проник к отворенному окну в кабинет Саши Николаича. Тут Орест после невероятных сделанных им усилий уселся на подоконник и прислонился к косяку.

Его появление было замечено Сашей Николаичем, сидевшим у себя в кабинете и читавшим книгу. Увидев Ореста на подоконнике своего окна, он сейчас же понял, что тот опять напился.

– Что вы тут делаете?.. Зачем безобразничаете?

– Гидальго! – беспомощно произнес Орест, помотав головой, – я должен немедленно иметь у вас аудиенцию по весьма серьезному делу, я между тем, помню завет...

– Какой еще завет?

– Не переступать порога вашей священной обители в нетрезвом состоянии. А так как я нахожусь в таковом, то и вышел из затруднения со свойственной мне гениальностью, сев, как вы видите, на подоконник с внешней стороны вашего кабинета!

Николаев махнул рукой и спросил только:

– Где же это вы напились опять?

– Невозможно было иначе! – энергично заговорил Орест. – Законы светских приличий того требовали... понимаете, гидальго, – новое аристократическое знакомство, великолепный джентльмен в собственной карете... трактир... и все прочее... И все по поводу такого священного предмета, как молитвенник... Отсюда вы видите, что я руководствовался возвышенными чувствами!

– Да! – вспомнил Саша Николаич, – вы же должны были откупить на аукционе этот молитвенник... Ну, это-то вы сделали, по крайней мере?

Орест пожал плечами.

– Разве вы могли сомневаться в слове Ореста Беспалова?.. Разумеется, купил.

– И где же он, этот молитвенник?

– Остался в руках аукционного мастера, которому я мог внести выданную мне сумму вами в виде задатка с тем, что остальное доплачу потом.

– Но ведь я вам дал сто рублей!

– Совершенно верно.

– И вы внесли их в виде задатка?!

– Да.

– И за сколько же вы купили молитвенник на аукционе?

– За тысячу восемьсот двадцать пять рублей!

Саша Николаич выпустил из рук книгу и открыл рот.

– Да вы как... – спросил он, – напились до аукциона или после?..

– Нет, гидальго, после!.. И напился в обществе того джентльмена, который и набавлял цену! Во всяком случае, можно утешаться тем, что молитвенник, значит, стоит этих денег... Вероятно, это величайшая библиографическая редкость.

– Тысяча восемьсот двадцать пять рублей!.. – повторил Николаев.

– Да ведь вы же сами, – остановил его Орест, – изволили сказать мне, чтобы я не стеснялся в деньгах, если нужно!

– Ну, хорошо... ну, я думал... ну, все сто рублей... но такую сумму доплатить...

– Да кто вам говорит, гидальго, что ее надо платить?

– А как же иначе? Я хочу вернуть этот молитвенник, во что бы то ни стало.

– И вернете!

– Каким же это образом?

– Гениальность Беспалова, – Орест поставил обе ноги на подоконник, обхватил его руками, оперся подбородком о колени и пристально посмотрел на Сашу Николаича, после чего произнес: – Сегодня на аукционе торг, и на нем догнали цену молитвенника до тысячи восьмисот рублей с лишним... Я внес в счет этой суммы сто рублей, а остальные деньги вносить вовсе не буду... тогда молитвенник поступит в переторжку, на которую я явлюсь, а конкурент мой, вероятно, не появится, и на переторжке молитвенник останется за мной рубля за два, три... Ведь книга – не водка, и таких любителей, которые платили бы за нее большие деньги, можно встретить не каждый день... Таким образом, вся операция будет нам стоить сто три или сто четыре рубля... Поняли теперь?

– Да, теперь понял.

– Ну, еще бы, когда я так отлично растолковал!.. Ну, а теперь, гидальго, до свидания, я направляюсь отоспаться, по обыкновению, к родителю своему, титулярному советнику Беспалову, ибо вполне сознаю, что в моем настоящем виде я в порядочный дом не приемлем.

– Ну уж так и быть! – усмехнулся Саша Николаич, – пройдите в вашу комнату потихоньку и выспитесь там!

Орест спрыгнул с подоконника, пошатнулся, но выпрямился все-таки во весь свой рост и произнес:

– Орест Беспалов не унижится до снисхождения... В милостях не нуждаюсь и поэтому удаляюсь под родительский кров... будьте здоровы...

Он снял картуз, раскланялся и исчез.

В это время в кабинет входила маленького роста старушка с высокой прической и лицом маркизы.

Саша Николаич обернулся к ней и спросил:

– Вы ко мне, маман?.. Отчего же вы не послали за мной, а беспокоились сами?

– Ах, мой миленький, – быстро заговорила она, – ну, какое же тут беспокойство?.. И потом, знаешь, я пришла просто посидеть у тебя... тут прохладнее!.. Я очень люблю тут у тебя... А месье Орест, кажется, опять нездоров? – ска зала она, указав на окно, с которого исчез Орест Беспалов.

Она никогда не называла его иначе, как «месье Орест», и слово «пьян» почитала неприличным настолько, что говорила вместо него «нездоров».

– Он уверяет, маман, что в нем «два угодя»! – улыбнулся Саша Николаич.

– Это, должно быть, милый, очень остроумно, только я не понимаю! – добродушно ответила старушка. – Какие два угодя?

– А по пословице: «пьян да умен, два угодя в нем!»

– Ах эти пословицы, я всегда их путаю!.. Но все-таки, что за охота тебе, мой друг, держать при себе этого человека?

– Ну, что ж, маман, он мне предан, а, главное, куда же он денется без меня? Он ведь совсем пропадет!

– Да, но эта история с молитвенником месье Тиссонье...

– Ну, молитвенник мы достанем обратно!

– И потом, знаешь, – покачала старушка головой, – я боюсь, как бы он не имел на тебя дурного влияния!

– Ну, маман!.. ведь я уже не маленький! – рассмеялся Саша Николаич.

– Ну делай, как знаешь, – покачала старушка головой, – я боюсь, как бы он не имел на тебя дурного влияния! – И добавила так, точно делала не весть какое открытие, только что пришедшее ей в голову: – Знаешь что?.. будем чай пить!

Саша Николаич знал и почему-то очень любил это пристрастие матери к чаю. Она как-то особенно уютно усаживалась за столом, за подносом с чайным прибором и так разливала и пила сама, что каждому неудержимо хотелось при этом тоже выпить чаю.

Саша Николаич позвонил и приказал появившемуся в богатой с галунами ливрее лакею подать чай.

8. Одиночество

Далекий от Петербурга южный берег Крыма издавна составлял по красоте одно из лучших мест на земле, но в начале XIX столетия был почти необитаем. Нужны были месяцы, чтобы добраться туда из центра России.

Вследствие этого Крым был населен по преимуществу местными татарами, не вносившими никакой цивилизации в его дику или, вернее, одичавшую природу.

Когда тут были цветущие греческие колонии, а затем геноуэзские владения, то жизнь была здесь ключом, особенно торговая, но теперь от этой жизни не осталось ничего, кроме разрушенных старых стен да развалившихся четырехугольных башен.

В начале XIX столетия Крым переживал переходное состояние. Его прежняя культура окончательно пала, а новое влияние России было еще совсем незначительно.

Однако голубое море было ярко и красиво, как всегда, и белую пеной рассыпалось в прибое о выступающие далеко в него скалы причудливых форм, темные вблизи и нежно-фиолетовые и голубые вдали.

Солнце грело и светило, по скалам прежние дороги заглохли и лишь кое-где вились тропинки, в лабиринте которых трудно было разобраться нездешнему человеку.

Татарские поселки с их белыми плоскокрышными лачугами попадались довольно редко, и заросшие выжженным кустарником скалы казались пустыней.

Среди этой пустыни, на вдававшейся в воду косе, стояла женщина, хотя по платью нельзя было причислить ее к этому полу. На ней была полотняная мужская блуза, широкие шаровары и турецкие туфли. Ее волосы были подобраны под соломенную шляпу, лошадь с мужским татарским седлом, на которой она приехала, была отпущена на волю и, казалось, ее обладательница сама забыла о ней.

Странна была судьба этой женщины, волею Провидения попавшей на дикий, но благословенный берег Крыма, где она на воле, чувствовала себя лишенной свободы...

Широкий простор моря, пустынные скалы и леса не давали свободы этой женщине, которая привыкла дышать спертым воздухом большого города и чувствовать себя госпожой среди большого скопища людей, теснящихся в добровольных темницах, называемых городами. Для этой женщины было тяжело, как наказание, одиночество среди ласковой природы Крыма.

Чего бы только не дала она, чтобы снова попасть в Париж, в так называемую «столицу мира», где день кажется минутой и где каждая прожитая минута дает столько, сколько не переживешь в ином месте и за год!..

Там, в этом Париже, властвовал теперь баловень счастья, ставший из простого, незаметного корсиканца императором, властелином почти всего мира... А она!

Она была королевского рода, прирожденная Валуа и, несмотря на это, должна была носить дырявые башмаки! И она была рада, когда за нее посватался ничтожный господин де Ламотт, исполнявший, как оказалось впоследствии, должность сыщика.

Выйдя замуж, женщина – ее звали Жанна – получила, на положении замужней женщины возможность действовать самостоятельно, а этого ей только и было нужно! Целым рядом просьб и унижений она добилась-таки того, что на нее обратила внимание королева Мария Антуанетта; да и не могло быть иначе: недаром госпожа де Ламотт была королевской крови, прирожденная графиня Валуа.

Ей достаточно было того, что Мария Антуанетта обратила на нее свое внимание, а о дальнейшем она позаботилась уже сама, и это дальнейшее развернулось было, как ей казалось сначала, блистательным ковром для его торжествующего шествия, на котором она сама вышила узоры. Она начала запутывать интригу влюбленного в королеву кардинала де Рогана и кончила знаменитой историей с ожерельем.

Это драгоценное бриллиантовое ожерелье понравилось Марии Антуанетте, но она отказала себе в его покупке, предпочтя чтобы на его стоимость было куплено военное судно для Франции.

Госпожа де Ламотт уговорила Рогана подарить это ожерелье королеве, и затем последовал целый ряд событий, среди которых, как в омуте, закружилась голова и трудно было разобраться, что следовало и чего не следовало делать...

Жанна Валуа де Ламотт, словно сорвавшись, по наклонной плоскости неудержимо катилась вниз и, словно ее подхлестывал кто, все более и более запутывала кардинала, несчастную королеву и запутывалась сама. Кардинала, требовавшего свидания с королевой Марией Антуанеттой, она одурачила тем, что передала ему много поддельных записок королевы и, найдя схожую с ней лицом девушку, устроила ему свидание с этой мнимой королевой. Роган попал в западню, купил ожерелье, но это ожерелье де Ламотт оставила у себя, потому что оно могло послужить основанием к ее богатству, а ей оно было нужно, без него она не могла существовать.

Она думала, что успеет скрыться из Франции в нужный момент и что во всяком случае Мария Антуанетта не допустит разыграться этому делу, которое грозило для нее скандалом.

Но скрыться де Ламотт не успела, а Мария Антуанетта не побоялась скандала.

Госпожу де Ламотт судили, приговорили к публичному наказанию на эшафоте. Она была наказана, и палач наложил на нее свое клеймо, но потом ей удалось бежать из тюрьмы, где ее хотели заточить на всю жизнь, и поселиться в Лондоне. Но и там враги не оставляли ее своими преследованиями.

Правда, она написала и напечатала свои мемуары о Марии Антуанетте, в которых не пощадила несчастной королевы. За это убийцы, подкупленные французскими дворянами, несколько раз покушались на ее жизнь.

Дело дошло до того, что Жанна де Ламотт должна была спастись от них тем, что выпрыгнула в окно.

После этого она поддалась уговорам одной русской княгини, с которой подружилась в Лондоне, и потихоньку выехала с нею в Крым, распуслав слухи о своей мнимой смерти.

И с тех пор она жила с княгиней в Крыму; та старалась окружить ее всевозможными заботами и попечениями и ни за что не соглашалась никуда уезжать, не представляя даже возможности, чтобы где-нибудь было лучше, чем в Крыму.

Много воды утекло и много событий произошло. Во Франции отпраздновала свой кровавый пир революция. Мария Антуанетта и ее супруг, король Людовик Шестнадцатый погибли, и деспотизм республики увенчался деспотией Наполеона, возвышению которого не могла не завидовать госпожа де Ламотт, так как ее жизнь была одним сплошным падением.

Все изменилось во Франции, но Жанна не могла вернуться туда, будучи заклеймлена палачом, и должна была продолжать довольствоваться жизнью на прекрасном, но диком берегу Крыма и ездить на лошади по его горам.

И у нее не было ни копейки своих денег, она во всем зависела от княгини, (а между тем она могла бы обладать богатством, которое составляло цену ожерелья. Она считала, что выстрадала себе это богатство и купила его ценою своей жизни и своего позора; и действительно оно могло бы быть в ее руках, если бы не обстоятельства, причиною которых была глупость ее пособников.

В то время когда в Париже разыгрывалось судилище над нею из-за ожерелья, оно уже было отослано ею в Амстердам с верным человеком, который продал его, а вырученные деньги спрятал в надежном месте. Последним был потайной подвал на небольшой мызе, купленной специально с целью спрятать там на время ее богатство.

Когда Жанна освободилась из тюрьмы и, бежав в Лондон, надумала воспользоваться спрятанными там деньгами, оказалось, что ее верный человек умер, а мыза вместе с тайником

была куплена аббатом Жоржелем, секретарем кардинала де Рогана, и в его владении деньги пропали для Жанны де Ламотт.

Однако она надеялась, что рано или поздно, но они придут к ней.

В Лондоне она вступила в тайное общество восстановления прав обездоленных, открыв этому обществу тайну подвала на мызе аббата Жоржеля, впоследствии кардинала Аджиери. Ей было обещано, что если не все деньги, то большая часть не минует ее рук, нужно лишь подождать смерти кардинала Аджиери.

И Жанна ждала, ждала многие годы. Наконец, наступила эта долгожданная смерть кардинала Аджиери; но общество восстановления прав обездоленных ничего не могло сделать, потому что, очевидно, слишком неумело повело дело, и мыза со всем состоянием, которое де Ламотт считала своим, перешла к незаконному сыну аббата Жоржеля (кардинала Аджиери), которому он и завещал свое имущество.

Как члены общества выпустили из рук этого наследника, за которым следили, она не могла хорошенько понять, но факт был налицо: сын аббата владел состоянием, а она, одинокая, должна была доживать свой век в диком Крыму...

9. Наследник кардинала Аджиери

А между тем дело обстояло так. В Петербурге как-то вдруг неожиданно объявился Александр Николаевич Николаев, или Саша Николаич, как называли его приятели, и, несмотря на то что никто не знал его происхождения, стал вращаться в лучшем обществе столицы. Его положению в обществе много содействовало то, что по паспорту он был дворянином, что он вел хотя и скромную, но в то же время барскую жизнь, что он отличался вполне светскими манерами, и, главное, по-видимому, обладал большими средствами.

Однако, относительно последнего обстоятельства знакомые Саши Николаича жестоко ошибались. Состояния у него не было никакого. Правда, скончавшийся в Париже воспитатель Саши Николаича перед смертью передал ему двадцать тысяч франков, но Николаев истратил их на приобретение обстановки в Петербурге, куда он переехал после смерти своего воспитателя из Парижа. Кроме того, воспитатель Саши Николаича перед смертью передал ему пакет, в котором было указание на одного из петербургских банкиров: и последний стал выплачивать Саше ежемесячно тысячу рублей. Эти деньги по тому времени были огромными и служили Саше Николаичу единственным ресурсом к жизни.

Впрочем, эти ежемесячные получения были столь же непрочны, сколь и таинственны. Саша Николаич не знал, от кого именно и на каком основании он получал эту тысячную ренту, – банкир лишь выплачивал ему деньги, но не мог сообщить ему и лица, по чьему приказу он это делает. И вдруг этот источник исчез – Саша Николаич получил извещение банкира, в котором последний сообщал, что дальнейшая выдача ему денег будет прекращена.

Это обстоятельство сразу же изменило образ жизни Саши Николаича. Ему пришлось распродать всю свою обстановку, продать лошадей, отпустить прислугу, из своей роскошной барской квартиры перебраться жить в комнату в семье захудалого чиновника Беспалова.

Все знакомые и великосветские приятели Саши Николаича, как водится, тут же отвернулись от него.

Оставшись совершенно одиноким, Николаев не очень-то унывал и стал искать себе средства к жизни работой. Но места ему не находилось.

И тут судьба столкнула его с одним из членов общества восстановления прав обездоленных, назвавшим себя Агапитом Аврамовичем Крыжицким. Таинственное общество, по-видимому, было заинтересовано Сашей Николаичем, следило за ним и было уже осведомлено о перемене обстоятельств молодого человека, потому что Крыжицкий сам обратился к Саше Николаичу с предложением ему денег за «некоторые услуги». Николаеву показалась весьма двусмысленной и подозрительной подобная формулировка этого предложения, и он с гордостью отверг его.

Между тем время шло. Саша Николаич успел позабыть своих коварных друзей, среди которых особенно больно обидел его самолюбие его вроде бы лучший друг граф Сергей Савищев, резко прекративший с ним знакомство тотчас же после того, как Саша Николаич сообщил ему о печальном факте своего банкротства. Николаев уже стал привыкать к обстановке, в которую забросила его судьба, и к людям, с которыми она его столкнула, когда случилось обстоятельство, сильно отразившееся на его судьбе.

Саша Николаич полюбил. В убогом доме чиновника Беспалова он встретил девушку, с первой же встречи покорившую его сердце. Это была Мария Беспалова, дочь квартирохозяина Саши Николаича, то есть, вернее, его воспитанница, так как Беспалов только выдавал ее за свою дочь.

Маня Беспалова весьма благожелательно отвечала на чувство Саши Николаича и сперва поощряла молодого человека, но, когда он сознался, что у него почти нет никаких средств к жизни, резко изменилась и стала сторониться его. Тогда Саша Николаич решил обратиться к

Крыжицкому, тем более что его натолкнула на эту мысль сама Маня Беспалова, боготворимая им.

Николаев отправился к Крыжицкому, и этот визит закончился тем, что он выдал на имя Андрея Львовича Сулимы расписку, согласно которой он обязывался предоставить последнему «половину принадлежащего ему наследства...» Саша Николаич в то время не помышлял ни о каком наследстве, и ему, конечно, ничего не стоило выдать подобную расписку на чье бы то ни было имя; он даже не особенно настаивал на выяснении того, кто был этот Андрей Львович Сулима и удовольствовался одним лишь довольно туманным намеком на то, что таким путем он в будущем обеспечивал себе богатое наследство.

Андрей же Львович Сулима был «Белым» петербургского отдела общества «Восстановления прав обездоленных», то есть председателем его.

10. Мнимая графиня Савищева

Охотясь на будущее наследство Саши Николаича, члены Общества восстановления прав обездоленных наткнулись и еще на одно наследство, которое могло быть спорным и обратившее на себя их жадные взоры. То было наследство графа Савищева. Последний обладал огромным состоянием, которое он нажил не совсем честным путем и оставил своим законным наследникам – своей жене Анне Петровне и сыну – Сергею Савищеву, приятелю Саши Николаича. Кроме них, у покойного графа Савищева других родственников не оставалось.

Младший брат покойного графа Савищева запутался в долгах и, желая их поправить, выдал туркам важные государственные документы. Он был обвинен в государственный измене, а затем, будучи лишенным чинов и орденов, был сослан и исчез без вести.

Его жена, потрясенная столь тяжелым несчастьем, преждевременно разрешилась от бремени девочкой и умерла при родах. Таким образом, новорожденная дочь графа Савищева-младшего с первого дня своего появления на свет оказалась круглой сиротой. Ее дядя, граф Савищев-старший и слышать не хотел о дочери своего опозоренного брата, и девочку отдали в воспитательный дом, где она и затерялась среди тысячи таких же обездоленных, зачисленную записанных под одним и тем же именем. Точно так же под именем Марии была записана дочь графа Савищева-младшего. Все это было известно членам общества, и они задумали оттягать у настоящих и неоспоримых наследников графа Савищева-старшего в пользу его племянницы, заменив ее подставным лицом.

Вскоре нашлось также и лицо такое. Крыжицкий, выслеживая Сашу Николаича, познакомился с его окружением и, узнав, что Беспалов взял свою воспитанницу Маню из воспитательного дома, сопоставил ее лета с датой смерти Савищевой-младшей и сразу же решил, что эта девушка вполне может пригодиться для выполнения их преступного плана, тем более что она и крещена была тем же именем, как и несчастная дочь Савищева-младшего. Привлечь Маню Беспалову к содействию этим замыслам обществу восстановления прав обездоленных было совсем нетрудно, так как она была девушка довольно легкомысленная и во что бы то ни стало стремилась выбиться из полной нищеты и зажить в роскоши и довольстве. Гораздо труднее было устранить от владения имуществом графа Савищева его законных наследников.

Но и это не затруднило находчивых искателей чужих наследств. Крыжицкому удалось обманым путем добыть метрическое свидетельство графини Анны Петровны Савищевой, и на нем была сделана подчистка года рождения графини Анны Петровны, а Сулима – «Белый» с помощью консисторского чиновника обработал метрические книги так, что в них под данным числом никаких записей о графине Савищевой, урожденной Дюплон, не оказалось. Таким образом графиня Анна Петровна Савищева оказалась мнимой графиней, а ее сын Сергей Савищев оказался без роду-племени, и наследство графа Савищева-старшего, которым долгое время владели, якобы владели, его законные наследники, должно было перейти в пользу его племянницы Марии, ставшей единственной наследницей графа.

Когда Андрей Львович Сулима явился в дом Беспалова и развернул перед Маней-воспитанницей блестящую перспективу ее роскошной жизни, то легко уговорил ее переехать к нему и начать дело о мнимом наследстве.

11. Мыза в Голландии

Саша Николаич, узнав о вероломном поступке любимой девушки, впал в совершеннейшее отчаяние. Но ему не пришлось долго пребывать в таком состоянии. В тот же день, когда Маня Беспалова переехала к Сулиме, к Николаеву явился ее брат Орест – пьяница и мот, под разными предлогами выжимавший из жилья своего отца мелкие суммы на выпивку, и конфиденциально сообщил Саше Николаичу, что в своем излюбленном трактире он случайно столкнулся с приезжим французом, прибывшим в Санкт-Петербург разыскивать Александра Николаевича Николаева.

Молодой человек с недоверием отнесся к словам Ореста, но все же согласился на встречу с французом.

При первой встрече Саши Николаича с Тиссонье (так звали этого француза) последний рассказал ему, что он, Николаев, сын кардинала Аджиери и одной русской графини, и что тот при своем духовном сане не мог его держать при себе и по этой причине отослал его сперва в Париж, а потом в Россию и что именно он и поддерживал Сашу Николаича до сих пор ежемесячной рентой, и что теперь эта рента прекратилась, потому что кардинал Аджиери умер, и что он, Тиссонье, состоит душеприказчиком кардинала и приехал за Сашей Николаичем с целью увезти его в Голландию. Там и находилась завещанная ему кардиналом небольшая мыза.

Это имение было оставлено Николаеву по официальному завещанию, но, кроме того, Тиссонье объявил Саше Николаичу, что на этой мызе в тайнике хранится огромная сумма денег, которую он должен тайным образом передать Саше Николаичу.

Молодой человек тотчас же собрался и вместе с Тиссонье и увязавшимся за ними Орестом выехал в Голландию.

После того как Николаев вступил во владение мызой, Тиссонье, действительно, указал ему тайник, представлявший собой тщательно скрытый подвал, который имел сообщение с кабинетом мызы.

В этом подвале Саша Николаич нашел огромный сундук, наполненный золотом, драгоценностями и английскими процентными бумагами.

Между тем Сулима тоже не дремал, заполучив расписку Саши Николаича в предоставлении ему половины его наследства в собственность, и тотчас же отправил Крыжицкого в Крым, где последний должен был сообщить Жанне де Ламотт о благополучном окончании дела наследства Саши Николаича, которое, собственно, и связало Жанну де Ламотт с обществом восстановления прав обездоленных. Однако, едва успев уехать из Петербурга, Крыжицкий, – как другой член того же общества – Кювье, – случайно столкнулся с французом Тиссонье в день приезда того в Санкт-Петербург из Франции. Словоохотливый француз тотчас же рассказал о цели своего приезда в Петербург. Узнав о том, что наследство состоит из одной только мызы (о спрятанных там сокровищах Тиссонье, конечно, умолчал), Кювье понял, что члены его общества, что называется, опростоволосились.

Мыза представляла собой столь ничтожное имущество, что о половинной доле его не стоило и хлопотать.

Кювье тут же поспешил с этой печальной вестью к «Белому». Сулима приказал ему немедленно выехать вслед за Крыжицким и остановить того на пути в Крым. Но Кювье сделать этого не удалось, и он прибыл в Крым к Жанне де Ламотт через несколько часов после прибытия туда Крыжицкого. И Жанна де Ламотт уже успела узнать от Крыжицкого о том, что членам их общества удалось заручиться распиской, согласно которой половина состояния кардинала Аджиери переходила в их собственность, и пришла в неопишное бешенство при известии, доставленном ей Кювье, вторым посланцем «Белого».

Печальные вести, доставленные Жанне де Ламотт Кювье, вызвали у нее припадок гнева, но не сломили ее энергии. Она была твердо уверена, что кардинал Аджиери оставил после себя огромное состояние, в числе которого должна была находиться и сумма, вырученная за украденное ею, Жанной де Ламотт, ожерелье, которое кардинал де Роган послал в подарок королеве Марии Антуанетте. Она была убеждена, что если кардинал не передал этого состояния своему наследнику явно, то он должен был сделать это тайно!

Ей тут же пришла в голову мысль, что сокровища кардинала хранятся в тайнике на его мызе в Голландии, и она, не задумываясь, приказала Крыжицкому и Кювье отправляться в Голландию и за свой страх и риск во что бы то ни стало раздобыть эти сокровища.

Крыжицкий и Кювье отправились морем. Крыжицкого в этой поездке сопровождала его любовница-турчанка и евнух, постоянно стороживший ее. В то же время этот евнух, будучи тайно подосланным к Крыжицкому Сулимой, был шпионом последнего. По дороге к ним присоединился еще и старый турок Али, который уже ранее знал Крыжицкого под именем Симона Ассеману. У Али с Крыжицким-Ассеману были старые счеты. Как тот, так и другой принадлежали к фанатичной касте ассасинов, но Крыжицкий изменил ей, и Али теперь последовал за ним, чтобы наказать его по поручению старшины своей секты за вероломную измену.

Конечно, Али скрывал от Крыжицкого свои действительные намерения и изъявил ему свою готовность помочь в погоне за наследством Саши Николаича.

Али прибыл в Голландию отдельно от своих единомышленников и поступил на службу в мызу Саши Николаича садовником.

Немного спустя, туда же явился и Крыжицкий, и его план там был близок к осуществлению, когда совершенно ничтожное обстоятельство его разрушило.

Беспутный Орест, отыскивая всяким способом деньги для пьянства, украл у турка Али его священные амулеты, свидетельствующие о высоком положении того среди его братьев в секте. Орест предположил, что они золотые, и отправился их пропивать...

Судьбе оказалось угодно, чтобы в том трактире, где Орест пытался променять эти амулеты на столь любимую им живительную влагу, из-за ненастной погоды остановился и Крыжицкий, навещавший Сашу Николаича. Он тотчас же признал амулеты Али и купил их у Ореста.

На следующий день во время бурного объяснения между Али и Крыжицким первый заметил свои амулеты в руках единомышленника и, предполагая, что тот украл их с целью воспользоваться среди ассасинов силою этих амулетов, пришел в неопиcуемый гнев и полоснул Крыжицкого отравленным кинжалом. Рана была смертельной, но Али в борьбе этим же кинжалом задел и себя случайно, и пустяшная рана-царапина на его руке оказалась смертельной также и для него.

Так Николаев избавился от двух своих преследователей; третий же, Кювье, по прибытии в Голландию, заболел, так и не встав больше на ноги. Перед смертью он призвал к себе Сашу Николаича, покаялся перед ним, сказав, что он вовсе не француз Кювье, а исчезнувший без вести граф Савищев-младший, и просил Николаева передать от его имени пакет его дочери, если ему, конечно, удастся отыскать ее.

Таким образом, распоряжение Жанны де Ламотт осталось неисполненным.

Однако, приезд Крыжицкого в Голландию не прошел совсем бесследно для Саши Николаича, так как тому удалось заронить в душу молодого человека искру сомнения относительно чистоты происхождения денег кардинала Аджиери. Николаев не хотел верить Крыжицкому, и последний обещал подтвердить свои слова документами, но неожиданная смерть ему помешала.

Чтобы рассеять свои сомнения и исполнить волю умирающего Кювье, Саша Николаич снова возвратился в Петербург.

12. Дивная встреча

Вернувшись в Петербург, Саша Николаич прежде всего навестил тех своих друзей, которые и в дни его несчастий остались верными ему и тепло отнеслись к нему в горе. Таких было немного, но тем дороже было их участие. Веселый приятель Николаева Лёка Дабич и милая молодая девушка Наденька Заозерская, племянница фрейлины баронессы Пильц фон Пфаль, не отвернулись от него, и теперь Николаев прежде всего поспешил к ним.

От них он узнал про катастрофу, постигшую графиню Савищеву и ее сына, узнал, что графиня бедствует, а некогда блестящий граф Савищев, потеряв титул и состояние, опустился на дно.

Николаев считал своим долгом навестить графиню Анну Петровну. Во время визита графиня заговорила с ним о том, что, сильно нуждаясь, она хотела бы продать один ценный исторический автограф.

Искренне желая помочь бедной женщине и стесняясь ей предложить помощь так, Саша Николаич тут же решил мысленно, что купит у нее этот автограф, и просил его показать.

Графиня Анна Петровна с взволнованным видом достала вчетверо сложенную пожелтевшую бумажку, и по тому благоговению, с которым она развертывала ее, видно было, как дорог ей этот документ.

Каково же было удивление Саши Николаича, когда он увидел, что этот документ не что иное, как собственноручное письмо Рогана к кардиналу Аджиери, как раз касавшееся злополучных денег, в присвоении которых обвиняли покойного кардинала! Это письмо совершенно реабилитировало кардинала Аджиери, так как свидетельствовало о том, что де Роган расплатился за ожерелье своими собственными личными средствами, а эти деньги в знак благодарности за долголетнюю службу подарил кардиналу Аджиери.

Он со словами радости на глазах спросил, откуда у нее это письмо. Графиня созналась – и тут Николаев узнал, что Савищева – та самая русская графиня, о которой ему рассказывал Тиссонье, то есть его, Саши Николаича, мать.

Минуты радостного свидания были несколько омрачены. Графиня Савищева после долгой разлуки нашла своего сына, но в тот же день потеряла другого. Судьба коварно подшутила над ней. В то время как она ласкала Сашу Николаича, граф Сергей Савищев, не будучи в силах перенести свое бедственное положение и позор, бросился с моста в Неву и исчез в ее волнах. Народ сбегался, но на поверхности воды уже не было человека. Так и исчез бедный граф; не нашли даже его труп.

Саша Николаич нашел свою мать, но окончательно потерял любимую девушку. Андрей Львович Сулима открыл Мане Беспаловой, что он – не тот, кем его называют, а дук дель Асидо, князь Сан-Мартино, что он любит ее, и предложил ей свою руку и сердце. Маня прельстилась его блестящим именем и согласилась выйти за него замуж.

Свадьба должна была состояться за границей. Однако, Маня уехала туда одна, а тотчас же после ее отъезда произошел пожар в доме Сулимы, и обстоятельства сложились так несчастливо, что дом сгорел дотла, не удалось спасти не только его обстановку, но даже и самого владельца дома, который в это время спал. Только под развалинами дома удалось найти обуглившиеся останки Сулимы.

13. Решение

Вот как обстояли дела в тот момент, когда мы застаем Жанну де Ламотт в Крыму, над морем, за тяжелыми думами о неудачной до сих пор погоне за наследством Саши Николаича. Она еще долго стояла со скрещенными руками на груди и оглядывала простор моря, широко открывавшийся с высоты, на которой она находилась.

Это море было так же пустынно, как и окружающие скалы: ни паруса, ни даже чайки не виделось на нем.

Жанна стояла лицом к нему, и его голубая ширь так же далеко расстилалась перед нею, как сзади тянулось бесконечное сухопутное море степи. Нужно было так или иначе миновать это пространство степи, чтобы попасть в место, где шла городская, манившая своими прелестями Жанну, жизнь.

Человек, который владел, как она считала, всем ее состоянием, жил в Петербурге, и надо было отправиться туда, чтобы отнять у него ее собственность. Конечно, добровольно он ее не отдаст, надо будет бороться с ним, но Жанна слишком привыкла к борьбе, чтобы испугаться такого врага, как какой-то незаконный сын французского аббата. Она считала его своим врагом, потому что сама была готова сделать ему всяческое зло, чтобы получить деньги. Но разве с такими людьми и с такими врагами мерилась она силами в своей жизни, которая враждовала с самой венценосной Марией Антуанеттой?!

Ей нужны были деньги как средство для настоящей деятельности, на которую она считала себя способной.

Судьба Наполеона не давала ей покоя и соблазняла своим счастьем. Почему ему удавалось все до сих пор, а ей ничего?..

«Потому, думала Жанна, глядя на далекое море, что он смел, а я теряю даром время в нерешительности...»

И она вдруг круто повернулась и пронзительно свистнула. Лошадь, забредшая довольно далеко, услышав этот свист, подбежала к Жанне; та вскочила в седло и быстрой иноходью направилась по знакомым горным тропинкам.

Дом ее был не особенно далеко, но переезд показался Жанне необыкновенно долгим. Где только было можно, Жанна пускала лошадь во всю прыть и осадил ее, всю взмыленную, у самого крыльца.

Жанна соскочила, бросила поводья и поспешно прошла через комнаты на балкон, где княгиня разбирала груды цветов, составляя из них букет в стоявшую перед ней вазу.

– Что ты пропадала так долго? – встретила она Жанну, бегло и отчетливо выговаривая слова по-французски. – Что с тобою? – сейчас же спросила она, взглянув на Жанну.

Та остановилась, оперлась резким, решительным, мужским движением о стол и, в упор посмотрев на княгиню, произнесла с расстановкой:

– Я не могу больше так жить здесь. Я должна отправиться в Петербург.

Княгиня расставила руки, уронив и рассыпав цветы.

– Как в Петербург? – переспросила она, – разве тебе здесь не хорошо?

– Дело не в том, хорошо ли мне здесь или дурно; но мне настало время снова действовать. Я должна перестать сидеть здесь сложа руки.

– Жанна, Жанна! – со вздохом покачала головою княгиня.

– Мне нужно ехать! – настойчиво произнесла Жанна.

– Но постой, погоди! Надо же обсудить возможность этого. Одну я тебя не могу отпустить в такое путешествие...

– Я могу ехать и одна.

– Нет, уж во всяком случае, мы отправимся вместе. Об этом и говорить нечего... Но надо собраться... Как же ты хочешь вот так вдруг. Надо решить хотя бы денежный вопрос...

– Пустяки! Трать последнее, что там есть у тебя... Там, в Петербурге, я все отдам... тебе... там мы получим такие деньги, которых нам хватит и на то, чтобы оплатить наш проезд туда и чтобы ехать дальше, куда захотим, в Париж, в Лондон...

Княгиня смотрела на Жанну как бы с некоторым испугом.

– Ты думаешь, я сошла с ума? – продолжала та. – Будь покойна, никогда мои умственные способности не были в таком порядке, как сейчас. Слушай, я решила во что бы то ни стало, получить свои деньги сама... Напрасно я надеялась на членов общества «Восстановления прав обездоленных», они ничего не сделали. Мои деньги перешли к одному русскому, незаконному сыну аббата Жоржеля и русской графини. Мне нужно найти его в Петербурге и чего бы это мне ни стоило вырвать у него свои деньги. Я так решила.

Княгиня противоречила слабо. Она по природе своей была слишком мягка, чтобы оказывать серьезное сопротивление энергии Жанны. Та всегда брала верх над нею.

И результатом этого разговора было то, что уже на другой же день на маленьком крымском дворе, мирно стоявшем на морском берегу, поднялись возня и суета по случаю внезапного отъезда в Петербург. Путешествие предстояло нелегкое, и сборы требовались большие.

Но для Жанны, казалось, не было ничего невозможного. Она сама съездила верхом в Бахчисарай и нашла там весьма приличную дорожную карету, которая продавалась по случаю, после скоропостижной смерти приехавшего на ней из Петербурга ревизора. Словом, не успела княгиня оглянуться, как они обе уже сидели в этой купленной Жанной карете и катили, поднимая пыль, по столбовой Екатерининской дороге в далекую северную столицу.

14. Тайна молитвенника

С покупкой молитвенника произошло именно так, как это предсказывал Орест. Он отправился на переторжку, не встретил на ней конкурента и купил молитвенник всего за три рубля, так что он обошелся ему только в сто три рубля. Это сумма была довольно крупная, но все-таки настолько ничтожная в сравнении с тысячей восемьюстами двадцатью пятью рублями, что Саша Николаич был рад, что отделался сравнительно дешево.

Орест, совершенно трезвый, принес книгу Николаеву и на этот раз говорил с ним совершенно серьезно и не через окно, а вступил в его кабинет на правах полноправного гражданина.

– Позвольте вручить вам, драгоценный гидальго, – заявил он Саше Николаичу, – вашу фамильную реликвию в полной неприкосновенности... вместе с тем я приношу тысячу извинений, что стал невольной причиной исчезновения этой книги! Но в таком случае вы должны главным образом пенять на свою собственную суровость по отношению ко мне. Однако твердость вашего характера наскочила на мою изобретательность.

– Да будет вам молоть вздор! – остановил его Саша Николаич. – Ну принесли молитвенник, и я очень рад этому!.. Надо позвать поскорее господина Тиссонье и отдать ему книгу.

Орест развалился в кресле, положил ногу на ногу и, серьезно подумав, сказал:

– Совершенно согласен с вами и уже заранее вижу ту радость, с которой почтенный француз примет этот молитвенник; он будет счастлив, а я, бедный, останусь в огорчении!.. – И Орест глубоко вздохнул и опустил голову.

– Почему в огорчении? – спросил Саша Николаич.

– Потому что с утра не имел во рту ничего, кроме зубной щетки.

– Вы опять пить?

– Гидальго!.. Это слово «пить» мне не нравится совершенно!.. И потом, уверяю вас, что нынче в высшем обществе принято пить водку; я могу доказать это своим знакомством с господином Люсли...

– С кем? – переспросил Саша Николаич.

– С господином Люсли... тем самым, с которым мы на торгу набавляли цену на молитвенник, а потом он не побрезговал в своей колеснице отвезти меня в трактир. Вы вот этого не делаете для меня, гидальго!

– Вы говорите, его зовут Люсли? – снова спросил Саша Николаич. – Вы наверное помните, что его зовут именно так?

– Наверное. Если вы сомневаетесь, могу принести самую страшную клятву. – Орест высоко поднял руку и торжественно произнес: – Высохни на земле вся водка!

– Да бросьте! – снова остановил его Саша Николаич, – как имя и отчество этого господина?

Орест стал припоминать.

– Видите ли, великолепный гидальго, – убедительно проговорил он, – надо отдать мне полную справедливость, я был уже в известном градусе, когда познакомился поближе с этим господином; поэтому, чтобы вспомнить его имя и отчество, мне непременно надо выпить три рюмки. Велите подать мне их, и я сейчас же вспомню!

– Орест! – серьезно сказал Саша Николаич, – я вам раз и навсегда сказал, что у меня в доме вы водки не получите...

Орест развел руками:

– Твердость вашего характера напоминает скалу. Но, может быть, две-то рюмки разрешите...

– Ни одной...

– Делать нечего, приходится припоминать без водки!.. Звали его, если я не ошибаюсь, Иван Михайлович...

– Иван Михайлович Люсли?!.. А каков он собой?

– Рыжий, с большими темными очками, строго говоря, как выражаются в лучших салонах, в общем такая морда, что хочется плюнуть.

– Странное совпадение! – продолжал удивляться Саша Николаич.

– Но в чем же вы находите странность?

– То, что человека, который воспитал меня в Париже и на попечении которого я рос, звали тоже Иван Михайлович Люсли!

Орест прищурился и покачал головой:

– Нет, мой джентльмен по годам как будто не годится вам в воспитатели!

– Да он им не может быть уже потому, что мой воспитатель умер!

– Царство небесное! – вздохнул Орест.

– Вы знаете, где живет этот господин?

– Вот этого я не знаю! – пожал плечами Орест. – Признаюсь больше: он меня спрашивал, где я имею местопребывание, а я же осмелиться спросить у него о том совершенно не догадался.

– Очевидно, это совершенно случайное совпадение! – рассудил Саша Николаич, – но все-таки мне бы очень хотелось повидать этого господина!

– Он, верно, объявится! – успокоил его Орест.

– Почему вы так думаете?

– Да потому, что его интересует этот молитвенник и, очевидно, он еще наведается, чтобы справиться о нем.

– Я никак не ожидал, – сказал Саша Николаич, рассматривая молитвенник, – что это такая редкая и ценная книга!

– Вообще я не понимаю, – даже обиделся Орест, – как можно за самую редкую книгу платить такие деньги!

В это время в комнату вошел старик – француз Тиссонье, очень почтенной наружности, одетый во все черное.

– Я слышал, – заговорил он, – что вы принесли назад молитвенник?

– Да, да! – подтвердил Саша Николаич. – Вот он! Возьмите его!

Тиссонье быстро схватил книгу и тщательно осмотрел ее со всех сторон, как бы желая вполне убедиться, та ли это самая, потом сказал:

– Да, это – она!

– А вы знаете толк в книгах? – спросил у него Саша Николаич.

– Я несколько по привычке обращаюсь с ними в библиотеке монсеньора кардинала.

– Так что вы должны знать: этот молитвенник – библиографическая редкость?

– Помилуйте! – улыбнулся Тиссонье, – таких экземпляров довольно много и они никакой библиографической цены не имеют!

– Вот и верьте после этого ученым! – пожимая плечами, вставил Орест, – один хочет заплатить за книгу тысячу восемьсот рублей, а другой говорит, что она ничего не стоит! И выходит, что только и справедливо, что правда – на дне стакана...

– Однако, – обратился Николаев к Тиссонье, – за этот молитвенник только что давали тысячу восемьсот рублей.

– Вот оно что! – протянул Тиссонье. – Теперь я понимаю: монсеньор перед смертью велел мне хранить этот молитвенник и не отдавать его никому, ни за какие деньги, кроме одного лица, точные приметы которого он мне определил.

– Какие же это приметы?..

– Я их не имею права говорить никому, даже вам. Я признаюсь, думал, что слова монсеньора относительно денег за молитвенник были, так сказать, лишь способом выражения, но теперь я смог убедиться в их полной справедливости, если за эту книгу давали такие деньги!

– Что же в ней такое? С живейшим любопытством спросил Саша Николаич.

– Этого монсеньор мне не открыл! – с почтительным поклоном ответил Тиссонье.

Разговор заключил Орест, который встал со своего места и резюмировал все сказанное так:

– Чем больше я живу на свете, тем больше хочется пить водки!..

15. Заседание

В четверг, в назначенный Иваном Михайловичем Люсли час, сошлись в указанном им месте семь человек под председательством старца, седовласого и в черной шапочке.

Комната, в которой они собрались, была невысокой, со сводами. Ее окна выходили в сад, стены были выкрашены белой клеевой краской. Посередине ее стоял стол и семь стульев, кресло. Другой мебели в комнате не было.

Приглашенные входили каждый с кокардой своего цвета, вдетой в петлицу, почтительно раскланиваясь с сидевшим в кресле стариком, у которого была белая кокарда, и занимали свои места вокруг стола.

Последним в комнату вошел высокий, плечистый черноголовый Борянский, развязностью своей походки и свободой манер сразу же нарушивший чинность этого собрания. Его желтой кокарды не было у него в петлице. Он вошел боком, не то поклонился, не то оглядел всех присутствовавших и рассеявшись вокруг стола и проговорил, ни к кому не обращаясь: «Привет честной компании!» – сел за стол и положил на него локти.

Все переглянулись между собой, пораженные таким поведением нового сочлена, и оглянулись на старика, который не спускал взора с Борянского и пристально смотрел на него, чуть улыбаясь одними губами.

– Ты забыл, – сказал он, – надеть отличительный знак твоего цвета!

– Однако, Белый отлично говорит по-русски! – шепнул Соломбин, у которого была красная кокарда, своему соседу Люсли.

– Да будет вам бирюльками заниматься, – просто и громко проговорил Борянский. – Я пришел к вам сюда для дела, так и будем рассуждать о деле!

– Ты пришел сюда, чтобы повиноваться мне! – тихо произнес Белый.

Борянский удивленно вскинул на него свой взор и вдруг рассмеялся.

– Ну, уж это, знаете ли, не того!.. Этого у вас со мной не выйдет!

Все присутствующие, видимо, были поражены тем, как держал себя Борянский. И только один Белый сохранял свое полное спокойствие.

– И ты будешь повиноваться мне! – все с той же улыбкой сказал он опять.

Это было сказано так, что даже Борянский в первый миг опешил и с удивлением взглянул на старика.

– Седьмого мая 1801 года, – чуть внятно выговорил тот, едва шевеля одними только губами.

Никто не понял, что означало это число, но Борянский вдруг весь вспыхнул, потом кровь быстро отлила от его лица, и он побледнел как мел.

– Вот тебе желтая кокарда, надень ее! – приказал старик Борянскому, бросив ему через стол кокарду, и тот, покорно взяв, нацепил ее в петлицу.

Все переглянулись, на этот раз как бы сказав друг другу, что ими распоряжается настоящий «Белый»!

– Для первого заседания, – начал Белый, – я сообщу вам о двух делах, или, вернее, о двух задачах, которые нам предстоит решить.

Первая относится к Александру Николаевичу Николаеву, получившему наследство кардинала Аджиери. Дело в том, что этот Николаев не знал своего отца, который вынужден был держать его вдали от себя из-за своего сана. Затем было учреждено тщательное наблюдение нашим обществом, мы вступили в переговоры о наследстве, о котором Николаев даже не подозревал. Мы взяли с него расписку, что в случае получения им наследства половину его он отдает нам. Конечно, были приняты меры к тому, чтобы Николаев думал, что он получает

наследство благодаря помощи лиц, взявших с него расписку. Все было обставлено безукоризненно.

Наше общество и в этом случае действовало также наверняка, как всегда, и в первый раз в течение времени своего существования дало промах. Вы спросите, как это случилось? Как все могло получиться? Разве расписка не была действительна и Николаев уклонился от платежа? Нет, наоборот, Николаев не уклонялся от платежа и внес нашему агенту всю причитающуюся с него сумму. Но дело в том, что эту сумму составляли сравнительные гроши, о которых не стоило и заботиться, потому что официально Николаев получил в наследство небольшую мызу в Голландии, стоившую очень недорого. Все состояние же, на которое мы рассчитывали, было спрятано в тайнике на мызе и не подлежало никакому учету, став для нас недостижимым.

Но наше общество слишком много затратило на это дело, чтобы помириться с таким положением, в которое оно благодаря этому попало, к тому же в первый раз. Если мы не получили половины состояния, перешедшего к Николаеву, то в вознаграждение за это мы должны были получить его полностью. И теперь нам с вами предстоит конкретно обсудить это.

Старик замолчал. И не нашлось никого, кто смог бы ответить ему сразу.

– Если Николаев, – произнес после долгой паузы Борянский, – играет в карты или же хотя бы чувствует склонность к ним, то я берусь легко и скоро обделать это дело.

Старик покосился на него и, отвернувшись, недовольно проворчал:

– Нет, он в карты не играет.

– Я не могу предложить никакого плана, – сказал Люсли, – но заявляю лишь, что, по совершенно особым причинам, известным нашему «Белому», что бы общество ни решило сделать с Николаевым, я готов исполнить все.

– А нельзя ли привлечь его просто членом в наше общество? – предложил Соломбин.

– Чем же вы привлечете его? – спросил Люсли.

– Как это чем?.. Огромными доходами, которые он может получить, вложив свой капитал в наше общество.

– У него и без того достаточные доходы.

– Но он, как человек случайно разбогатевший, должен непременно желать большего.

Однако все почувствовали, что это предложение было более чем слабо, и, казалось, Соломбин и сделал-то его только для того, чтобы не молчать, а сказать хоть что-нибудь.

После этого все замолчали окончательно.

– Теперь второе дело! – снова заговорил старик, – оно заключается в наследстве маркиза де Турневиль и не вполне еще выяснено мною во всех подробностях, которые, впрочем, я считаю сообщить вам преждевременным. Скажу лишь по этому делу, что нам прежде всего нужно достать латинский молитвенник, переданный в Голландии маркизой Елизаветой де Турневиль кардиналу Аджиери, когда она, бежав из Франции во время террора, вынуждена была искать убежища за границей. Она боялась потерять этот молитвенник и потому дала его на сохранение кардиналу Аджиери. В этом молитвеннике находится указание того места, куда де Турневиль скрыл в Париже свои богатства, не имея возможности увезти их. Этот молитвенник находится теперь у бывшего камердинера кардинала, Тиссонье, который живет у того же Николаева.

– Однако! – заметил Соломбин, – всюду Николаев!.. Неужели же с ним одним не в состоянии будет бороться наше целое общество?..

– Справимся! – уверенно заявил Люсли.

– Тем не менее мы даже не пришли еще ни к какому плану действий и не знаем, что будем делать.

– Я скажу вам сейчас, что делать, – проговорил «Белый», и, когда все поглядели на него, внушительно произнес: – слушаться меня!..

На этом совещание закончилось, и все стали расходиться.

Соломбин вышел вместе с Люсли и сказал ему, уходя:

– С этим «Белым» у нас, кажется, дела пойдут!

16. Новые приятели

Когда расходились после заседания, старик задержал Борянского, и тот как будто бы даже с некоторой робостью теперь остановился перед ним.

Странно было видеть, как этот огромный и мускулистый, обладающий атлетической силой человек скромно, даже робко стоял перед слабым, даже хилым, седым старичком.

Но этого никто не видел, потому что в комнате они остались одни. Борянский, сразу же приведенный стариком в повиновение упоминанием таинственного числа седьмого мая 1801 года, видимо, боялся, оставшись наедине со стариком, что тот может продолжить разговор об этой дате. И он вздохнул свободнее, когда старик спросил его:

– Ты много можешь пить?

Борянский улыбнулся и ответил только одним словом:

– Много.

– Вина или водки?

– И того, и другого.

– Хорошо. Тогда ступай в трактир на Моховой «Веселый Ярослав».

– Да это заведение из мелкоразрядных, – несколько брезгливо сказал Борянский.

– Это мне все равно. Ты пойдешь туда и завяжешь там знакомство с Беспаловым, который там почти каждый день или пьет или играет на бильярде. Затем, когда это будет сделано, получишь от меня другие, особые инструкции. Самое лучшее будет, если в «Веселый Ярослав» ты отправишься сейчас же.

Орест Беспалов, разумеется, ничего не подозревая, катал в своем излюбленном трактире шары на бильярде, не находя себе партнера, с кем стоило бы играть, когда вдруг увидел перед собой огромного, плечистого, прилично одетого господина с бриллиантовыми кольцами на руках.

Это был Борянский, поспешивший с точностью исполнить приказание «Белого».

Орест нацелил на него прищуренным взглядом и решил, что это, должно быть, приезжий из провинции богатый помещик. Он чмокнул губами и явно для того, чтобы произвести эффект на «помещика», раскатисто крикнул:

– Половой!.. Рюмку хлебного вина Оресту Беспалову!

Провозгласив это, он ударил кием по шару и так всадил его в лузу, что тот щелкнул наподобие пистолетного выстрела.

– Не угодно ли сыграть? – дрыгнув ножкой, предложил Беспалов.

Тот, зная уже, что имеет дело с Орестом Беспаловым, то есть именно с тем, с которым он должен был свести знакомство по приказанию «Белого», ответил: «С удовольствием!» – взял кий, и игра у них началась...

Борянский несмотря на то, что бильярд был совершенно незнаком ему, стал показывать такие чудеса игры, что Орест в первую минуту даже вытаращил на него глаза, но потом вдруг положил кий по борту и протяжно свистнул:

– Нет-с, маэстро! Со мной это не пройдет... Вижу, что вы обладаете самыми сокровенными познаниями бильярдной игры, и до некоторой степени, маэстро, в ней, но только мы тоже кое-что понимаем!

– То есть, позвольте, что именно? – с достоинством спросил Борянский.

– А вот что! – сказал Орест. – вот этот маневр «подпилом» называется, а этот делается при помощи рукава... – И он на бильярде продемонстрировал несколько весьма ловких приемов, с помощью которых можно было играть наверняка.

Борянский пустил с Орестом те приемы просто из любви к искусству, как виртуоз, великолепно изучивший свое дело.

Собственно, по профессии он, главным образом, орудовал картами, но не чужд был и бильярду и, давно уже не играв на нем, попробовал что называется руку. Но опытный глаз Ореста сейчас же различил в чем тут дело, и Борянский должен был убедиться, что наскочил на такого же доку, каким был сам.

– А вот этот прием вы изволите знать? – увлекаясь своим искусством, спросил его Орест. – Вот если желтый стоит тут... – и он показал такой фортель, что Борянский не мог не ахнуть от удовольствия.

– Нет, это для меня ново, – невольно вырвалось у него. Он уже не отрицал своего «искусства».

– Знаете, что, – предложил он Оресту, – не хотите ли выпить вместе?

– Что за вопрос! – застенчиво ответил Орест и как будто еще застенчивее добавил: – В особенности, ежели за ваш счет.

Борянский велел подать водки, и они поместились за отдельным столиком.

– Что мне нравится в вас, – продолжал разглагольствовать Орест, разглядывая Борянского, – это приемы физической силы! Вот я про себя скажу: у меня больше, так сказать, игра ума и мощь фантазии, но телосложением слаб, то есть в смысле мускулатуры... А вы – положительный Буцефал...

– Буцефал – это лошадь была, – улыбнулся Борянский.

– Именно-с, я в этом смысле и изрек, ибо вы, так сказать, – олицетворение лошади в мужском роде...

– Берегитесь, чтобы я, несмотря на всю вашу игру ума, не сравнил вас с ослом! – заметил ему Борянский, впрочем, добродушно рассмеявшись.

– А что ж, это недурно сказано! – похвалил Орест. – Во всяком случае, видно, что вы и за ослом в карман не полезете!.. Ваше здоровье, маэстро!

И они чокнулись.

– Вы знаете, – стал говорить Борянский Оресту, – вы мне очень понравились!

– Не вам одному! – с апломбом заявил Орест. – У меня это врожденное, что я всем нравлюсь!

– Ну да, да, разумеется!.. Так знаете ли что: чем нам прохладиться тут, в трактире, хотите попросту пойдете ко мне, и я вас дома угощу на славу!.. У меня такой коньяк есть!..

Орест приложил палец ко лбу в знак глубочайшего размышления.

Конечно, Борянскому удобнее было возиться с Орестом у себя дома, раз уж это так необходимо, чем сидеть в трактире.

– Однако это нужно обсудить и взвесить! – сказал Орест. – С одной стороны, конечно, коньяк, а с другой... где вы живете?

– На Гороховой.

– Ну вот, видите... Значит, до вас еще добираться нужно!.. А главное, из этого трактира я пьяный домой ощупью дорогу нахожу, а от вас куда я уйду?..

– У меня вы можете остаться и заночевать!.. А коньяк такой, что, право, ради него стоит отправиться на Гороховую.

– Я всегда говорю, – вздохнул Орест, – что лаской со мной можно что угодно сделать! Одним словом, уговорили!.. Платите за истребованные нами припасы и пойдете.

От Моховой на Гороховую был порядочный конец, но Борянский не взял извозчика, а пошел с Орестом пешком, не желая, чтобы кто-нибудь из знакомых встретил его едущим вместе с таким субъектом, как Орест. Идя же с ним, он имел возможность при встрече с кем-нибудь отстать и сделать вид, что гуляет один.

С Моховой, от церкви Симеона и Анны, они повернули на Фонтанку.

Орест шел, насвистывая, мелкими шажками, но так быстро, что Борянский едва поспевал за ним, несмотря на размах своей геркулесовой походки.

– Куда вы торопитесь так? – спросил он Ореста.

Тот покрутил головой и, остановившись, сказал:

– Как куда?.. к коньяку?.. и даже к вашему коньяку!

Он остановился, но не потому, что Борянский окликнул его, а потому, что они как раз были у крыльца барского дома, к которому подъехала великолепная карета, запряженная четверкой цугом с фореитором.

Ливрейный лакей отворил дверцу, и из кареты вышла высокая, стройная женщина, такая красавица, что вместе с Орестом остановился и Борянский, невольно заглядевшись на нее.

Она прошла из кареты в подъезд близко мимо них и, когда скрылась за затворившейся за нею дверью, Орест обернулся к Борянскому и с некоторым волнением проговорил:

– Знаете, кто такая?.. Я с этой женщиной, могу сказать, рос вместе!.. Эта красавица – воспитанница титулярного советника Беспалова, у которого я имею счастье состоять в сыновьях.

Борянский подошел к карете и спросил у кучера фамилию его госпожи.

Кучер в пышной ливрее, по всей очевидности вольнонаемный иностранец, ответил, не без труда выговаривая по-русски:

– Княгиня Мария, жена дука Иосифа дель Асидо, князя Сан-Мартино.

– Знай наших! – выпалил Орест и прищелкнул языком.

17. Старые знакомые

Александр Николаевич Николаев, или просто Саша Николаич, как его звали в обществе, был красивый, видный, богатый молодой человек; немудрено было, что несколько барышень на выданье были не прочь ответить торжественным согласием в том случае, если бы он сделал им предложение руки и сердца.

Сам Саша Николаич теперь, после того как снова стал богатым, не любил показываться в обществе, которое отвернулось от него, когда считало его разорившимся. Он бывал по преимуществу в небольшом кругу близких друзей своего приятеля Леки Дабича, относившегося к нему по-дружески и в минуты несчастья.

Среди знакомых ему девушек была им особенно покровительствуемая, а также его матерью, Наденька Заозерская, судьба которой тоже не была завидной.

Жила и воспитывалась она у тетки, старой фрейлины Пилыц фон Пфаль, никуда не показывавшейся и сидевшей безвыходно и безвыездно в трех комнатах на нижнем этаже Зимнего дворца, где ей была отведена квартира. Если куда и выезжала Наденька, то исключительно благодаря матери Саши Николаича, бравшей ее иногда с собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.